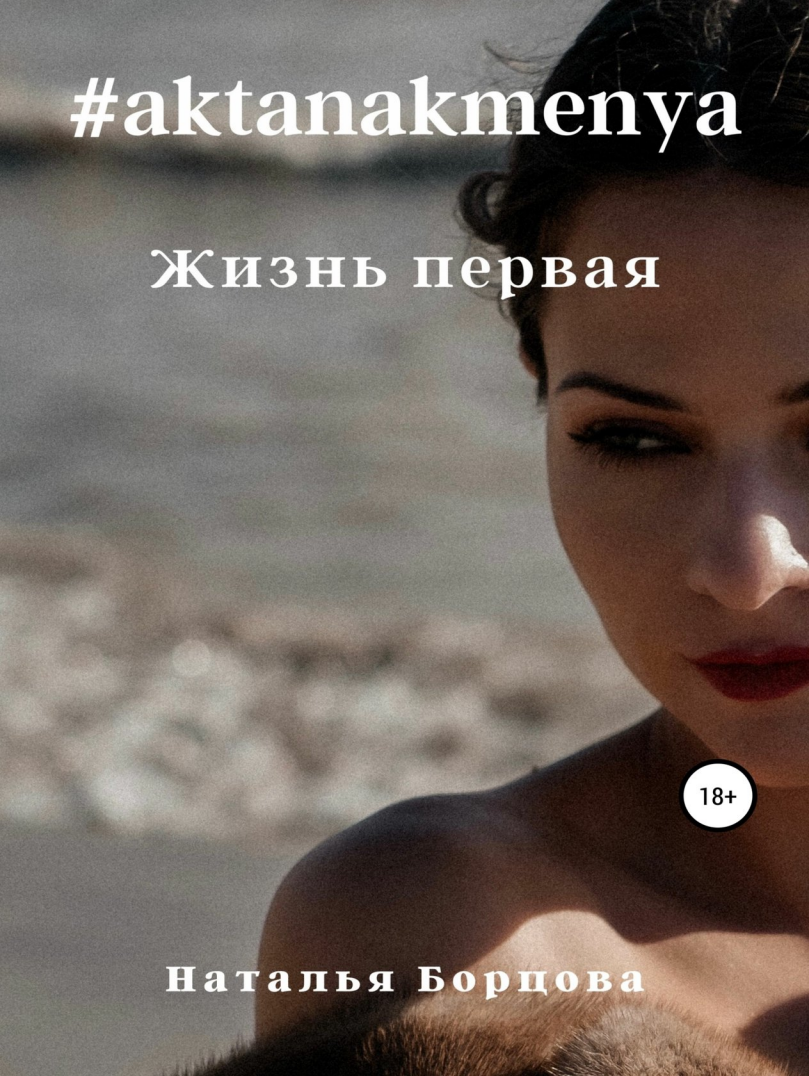

#aktanakmenya
Жизнь первая
18+
Наталья Борцова

#aktanakmenya. Жизнь первая

Наталья Борцова

Аннотация

Наталья Борцова. #aktanakmenya. Жизнь первая

Глава первая: семейное кофепитие, сигаретокурение.

Глава вторая, а жизнь первая.

Аннотация

"Жизнь первая" – это первый рассказ из серии историй о развитии личности, начиная с того, как она хлопнулась с неба в лес, и заканчивая разборками самой с собой и со своей мамой на протяжении многих жизней. Первая жизнь обволакивает, погружает в сибирский лес, славянскую буквицу и законы природы. Героиня растёт вместе с природой и традициями своего рода. В итоге род её уничтожает. Почему мама является ключевой фигурой в этой истории?

«Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации».

Наталья Борцова
#aktanakmenya. Жизнь первая

Глава первая: семейное кофепитие, сигаретокурение.

Мама, папа — это эскиз моей жизни, несколько штрихов, определивших мой разрез глаз, складки ладоней.

Остальное я буду портить, доказывая ему себя, себя ей: выжигать волосы, сбивать туфли, подчеркивать кривой рот — до тех пор, пока не выйду сущностью к уже смятому лицу матери. План — обнять после бойни её искреннем сердцем, чтобы волосы спутались, чтобы ее беды растворились в моей судьбе, стали кадром-итогом личной истории никомувэтоммирененужной, если мир — х, где х — масса, истории необходимой каждой взрослеющей девочке, где х- искусство жить свою одну единственную уникальную жизнь.

Презираю подойти к искусству как к искусственному, синтетической ширме, скрывающей морщины.

Излагаю искусство, подчеркивающее персону, где персона соткана из личных историй, вдохновляющих в обыкновенности , откровенности, бытности, заносчивости искренней.

-дай мне себя на несколько минут, пока за ширмой снимается фильм твоей печали, надо ходить на работу, достать бельё из стиральной машины, разогреть ужин, поговори со мной . Я всё обустроила, я дам тебе свет, удобный стул со спинкой, я

приготовлю сироп, кофе, водку- что нужно тебе, чтобы начать говорить ?

— отцепись

— здесь нет никого, посиди со мной

Она остановилась.

— кофе. Что тебе от меня надо?

— надо, чтобы еще немного стемнело, в темноте твоё лицо кажется мягче, это пятнадцать минут

— чем тебе моё лицо не угодило?
— оно похоже на моё

Она выпила и скорчилась. Эта женщина управляла своим телом словно демон, все в ее стати наводило порядок в комплексе моих мышц от скуловой до паховых. Я сидя на стуле, в двух шагах от нее, холкой чувствую как туго стянутый хвост пышных волос трещит, будто она движением челюсти вниз рвет платок. Она присела. Внутри её тела билась энергия, оказывающая противодействие моей на протяжении тысячелетий, от этого её кожа светится. И есть в том теле кровь-вода, и к магии этой крови у меня больше вопросов чем к её сущности.

-Сигарета?– мой внезапный вопрос интонационно походил на мольбу любовника: задержать её еще на несколько минут, насладиться собой рядом с ней, когда желание настолько велико, потерянное от всех пространство электрически заряжено, что в голове проносятся мысли: «может задушить?».

— Ты не куришь

— Хочу попробовать, ведь я уже как несколько веков мечтаю сгнить. Согласно моим размышлениям — гнить мы должны вместе — я прикурила ей сигарету.

— У меня к тебе вопрос, — я затянулась впер-

вые.

Много раз видела как шикарные красотой женщины делают это со времен начала света как жест соблазнения, наполненный горечью раздумий и элегантностью, как при этом грациозно вытянуты пальчики и пренепременно толстая сигарета удушливая, чтобы слёзы, показавшиеся придали взгляду дурманный блеск и глаза собеседников разделяли лишь одеяла дыма. Интимное действо, придающее откровенность и моментальное раскрепощение, сексуальный танец пухлых губ, тонких пальцев, языка, локонов и глухого нечастого причмокивания — ритм, чистая музыка. Сделай это правильно: придай неустойчивости фигуре, изогнув её в знак японской азбуки Катакана, окинь разочарованным взглядом даль и проси чего хочешь, твой выход закончен, очередь за откровенностью собеседника.

На деле — отрава, выгнувшая спину ни то в кашле, ни то в рвотном порыве, покатившая плечи, стало жаль себя, слёзы склеили ресницы и я вновь обиженный всем миром подросток в тот переломный момент, когда мир сильнее и подросток прогибается. Пришлось притворяться, но я не дам ей спуску. Держу шесть кругов внимания и жаль, что один из них тратится на поиск помойного ведра, выкинуть окурок и жмых всего низкочеловеческого во мне вместе с ним, в топку.

Восемь раз она убивала меня. Заговор в 6 веке, поджег в 13, Она столкнула меня со скалы еще ребенком в апреле 1432 года, — мой любимый год, я тогда была близка к пониманию крыла, по её приказу меня душили, забивали палками, а однажды я была скормлена диким кошкам — «где помойное ведро?» Трепетно отношусь к своей энергии, которая испокон веков была направлена на созидание, так ничего и не создавшая, и я буду тратить её вновь и вновь на попытки создать, сейчас чувствую что трата энергии на поиск поганого ведра создала пепельницу прямо внутри, в районе солнечного сплетения, я затушила сигарету прямо в себя — это не моё.

Она всегда появлялась внезапно Тасманским Дьяволом, действовала стремительно ураганом Катрина, чьё имя вычеркнуто из всех реестров в связи с мощностью потерь, смертей, но осталось в моей памяти, появлялась в обличие удобных

тел и уничтожала сначала мои труды, а потом, играючи и меня. Пока я билась в теории своего заточения в адском круге — она растила энергию, она научилась распознавать мои мысли до того, как я успевала придать им форму, она теперь пришла ко мне и смотрит сквозь моё красивое тело и заглядывает прямо в сущность, но никогда я не имела возможность разговора, никогда она не стояла так близко и я никогда её так не любила.

— Почему ты здесь есть моя мать?

Демон внутри этого прекрасного тела оскалился и я готова была обнять её колени. Моя

человеческая часть задыхалась от восхищения и от жажды ласки от своей матери, её улыбки, моя сущность хотела крови, в честном сражении, прямо сейчас.

Глава вторая, а жизнь первая.

Это была ароматная и бестолковая жизнь. Я вспоминаю о ней не по действиям, событиям, диалогам, образам, а по ощущениям всецело. Моё первое свидание с жизнью. Свидание, на котором я познакомилась с собой.

Бескрайнее поле, богатейшее травами, усыпанное щедрой ладонью сон-травой, кандык-ай, а там, где пряное поле начинает уступать камню, теплая земля сдобрена эдельвейсом, маком, щепоткой камнеломки — истинное искусство кулинарного творения; воздух опьяняет свежестью, с первым глотком приходит радость быть. По нарастающей я начала ощущать своё тело. Против воли лёгкое моё присутствие во Вселенной одиноким энергетическим вихрем однажды начало отягощаться телом, ограничивая своё существо его возможностями, и самое страшное — его потребностями. Меня словно заметили.

За бескрайнее время моего путешествия и пребывания во Вселенной в качестве осколков от столкновений небесных тел и их частичек, порождающих мощную энергию, способную менять начало и конец, за время моего тихого бытия, я впервые почувствовала себя под прицелом, в объятиях внимания и тут же, знаком мне показали и стало ясно, что теперь с этим нужно считаться.

Я очнулась от пристального взгляда молодой луны прямо в мою макушку. Позже я стану искать этот взгляд во все времена в людях, это станет колдовской меткой тех, в кого я стану влюбляться навеки. Надо ли сообщить Вам о том, что все

ощущения, которые я получила за свою первую короткую жизнь предопределили мою сущность в какое тело она бы ни была завернута, и лишь последствия поступков будут накладывать на мои вкусы, предпочтения и стремления лёгкие оттенки. Моя же истина случилась тогда, на поле, когда я почувствовала вкус травы во рту и открыла глаза. Знак заново рождённой луны, он почти незаметен взором, иссиял меня, наполнил жизнью до краёв, тело ощущалось тяжёлым, полным воды.

Небо. Я уставилась в небо, оно великое, потому что ему нет границ — «я миг назад чувствовала это», его нельзя описать- «я могу только стараться», сосчитать математическим языком — «я знаю наперёд эту бесконечность», оно для меня

предстало занавесом великой глубины, я сразу заскучала… и почувствовала себя выброшенной, пришло знание, что не скоро вновь почувствую себя свободной и целостной, я где-то определенно допустила ошибку — «какую?», тело выкатило слезу. Впервые я наблюдала за небом со стороны, мой дом стал чужим для меня, немилостивым. В середине тела стало что-то ломаться и слёзы потекли от тоски нескончаемо и горько, я выплакала половину воды своего тела, прежде чем почувствовала облегчение. Тоска.

Глаза закрыли мне небо неожиданно, по собственной прихоти. В тот первый день я поняла, что не одна. Что теперь у меня есть тело — ограничитель, тело-кристаллизатор-сепаратор, оно разбило меня целостную на лучи и первый луч, пронзивший макушку, поселивший и слякоть и тепло внутри, как в парнике, были эмоции. Теперь есть эмоции и я утонула в них, хотя луна была в созвездии Близнецы.

Сегодня наука астрология даёт нам знание о

положении луны в день появления на земле. Мы не плоскость, мы объёмны и многогранны. Мы алмаз, каждая наша сторона имеет космическую глубину и шероховатую поверхность. Одна из таких — эмоции. И эту грань мне пришлось учиться уважать, увАживать, принимать и погружаться. Это достоинство, верховная ценность каждого существа, которая не должна превратиться в средство, я решила это тогда. Из-за сложности фигуры и её образующих — задача a priori истинная. «Чистая эмоция не нуждается в оправдании» — за несколько жизней я так сформулировала своё эмоциональное достоинство. Выработка этой концепции сопровождалась узнаванием себя и велась непрерывно диагностика эмоционального состояния и его сфер влияния как на общее, так и на частное.

Лунные Близнецы, готовые бросить вызов, воплощение стихии воздух, наиболее раскрепощаются в диалоге и получении знаний — это почти научное обоснование для меня нашему разговору с вами. Нужен ли был мне кто-то, чтобы задавать вопросы — никогда, я обняла свои эмоции и нам всегда было достаточно нас двоих, в объятиях я получала ответы. Мне так казалось, я хотела разобраться с собой и остаться одинокой,

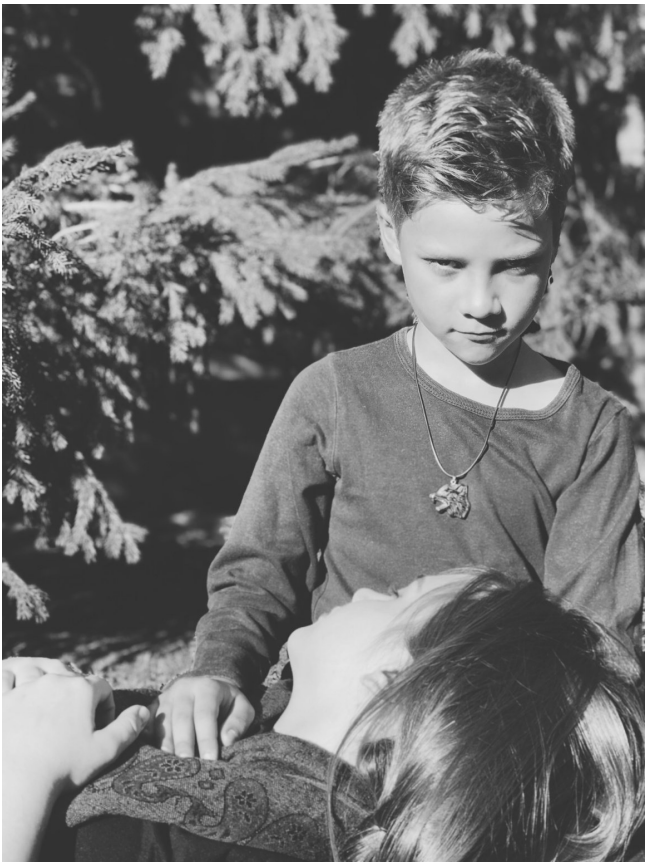
в обнимку с этой гранью, лучом, собственным дитя — одной-первой-единственной.

Луна начала рисовать мой портрет, она самый бесспорно великий художник женщин всех времён. Наносит силуэт лёгкими мазками, не строгими линиями, а линиями — ветер, линиями — бёдра, линиями — локоны. Эмоции — вот они, я в них погружаюсь, раскрепощаюсь, отдаюсь во власть и они привели в движении моё грузное тело. Они помогли мне выразить то, что сидит глубоко, пробилось сквозь тело и вырвалось наружу воплем. Тут же меня вихрем закружило от обилия, в котором я оказалась. Запахи — чистое удовольствие, эмоции сменяли друг друга, это игра — знакомство, это моя сущность радовалась, вырывалась из тела смехом, смех подарил удовольствие от физического напряжения и последующего расслабления, потом смех соединился со слезами и я не собиралась это останавливать. Моё внимание какое — то время удерживалось на наблюдении за собой, но лунному Близнецу невозможно глубоко впадать в единое состояние, я затребовала от себя впечатлений, мне жадно хотелось пробовать еще что-то, великолепное, смелое, свободное — то был ветер , он указал мне путь, подгоняя, направляя нос в сторону леса, в той стороне волки выли, меня манило, я стояла чучелом на низком старте

пугая сорок своей нерешительностью, потому что что-то, что-то вселенско ограничительное меня держало. То было время, оно подсказывало шепча невнятно, неразборчиво, однако легкие, неуловимые и жаждущие приключений эмоции рванули вперед.

Ноги …ноги — это прекрасно, я бегу и чувствую себя в соприкосновении со всем этим божественным лесным спектаклем, я нырнула в плотную чащу деревьев и глотнув воздуха ощутила мурашки по коже — это я люблю, это моё, я хочу взять как можно больше и сильнее, я разогналась, вихрем отталкиваюсь от поросших мхом деревьев, я лечу среди густого папоротника и ягод свежих, тело несет и прыгает, даря прохладные удары лица о лесной аромат неповторимый, нужный, богатый, вновь и вновь удивляющий, я хочу еще. Остановилась я в глухом лесу, здесь кипела жизнь гордая и независимая. Сквозь кроны деревьев заметила просачивающийся луч света, внезапно эмоции любознательных Близнецов отправились наверх — искать источник, но я чувствовала телом, что по- прежнему стою в узком луче эликсира света, ловлю его ртом, хочу его внутрь, но вторая моя часть, моё дитя, — она точно поползла по деревьям вверх — исследовать кроны и силу своих рук. Я замерла на миг осознания, собрала двух себя в кучу и тело помогло мне рвануть наверх, по сучьям, обнимая своей мягкостью стволы холодных деревьев я изучала свое тело.

Долго, аль коротко ли, забравшись до середины кедра-исполина, дёрнуло меня обернуться. Я узнала его, как в отражении боковым зрением мы обнаруживаем тоску или позёрство, принимая себя в этом искажении. Этот мальчишка-мысль в ясный день, мужчина-разум, когда на деревню опускается тень. Он стоял внизу и исследовал высоту дерева, соотносил желание достичь кроны и оценивал наши способности снизу, пока я замерла и мерила необъятность простора темпом своего сердцебиения. Он объявился в моем пространстве, и я хотела его приветствовать. Он мой и я одновременно. От желания соприкоснуться я оборвалась с высоты трёх своих тел и тут же ощутила боль. Боль лунными Близнецами переносится как вода вёдрами: тихо, быстро, ровно столько сколько надо.



Я абсолютно точно находилась одновременно в трёх плотно связанных гранях леса: я со своими эмоциями лежу на траве и чувствую сотрясение внутренностей, мое лицо согревает лучик света, соком льющегося сквозь гущу леса, я сижу на дереве высоко и я, наблюдающая за обеими и делающая этот сухой вывод. Выбираю отправиться вверх — этот мальчишка мне нравится больше всего. Медленно достала себя со дна чащи, и мы с моими детишками и покалеченным телом размазанной гусеницей поползли по дереву вверх, я слушала тело, ритм сердца глухо и основательно соглашался с симфонией чистого леса, осознанно стремился стать её частью.

Путь с места падения к стволу — одна жизнь, карабканье по стволу — бой, в бою мне помогал тот мальчишка, он способен делиться на мысль — творческое начало и на сухой опыт- базовый интеллект, направленный на самосохранение — разум. Сейчас тот, что наверху довольствуется и болтает ножками — мысль вдохновляющая. Разум отстранён и не показывается. Эмоции — опасная баба, на неё рассчитывать нельзя, она играется со мной. Когда я ползла из глубины к стволу — эмоции поддерживали мысль и я не знала преград, я не опишу вам боли и страданий,

лишь разум обозначит, что они были и их было довольно. Но как только я доползла до середины и тело мое изнурилось, эмоция — всегда женщина, быстренько спустилась вниз, легла и лежала камнем.

Вязкая, обволакивающая жаааалость овладела мной — какая я красивая и как мне хорошо лежать там, в траве, в безопасности, безысходности, безветренности, безмятежности, безмерности бездействия, безответственности, безупречности!

Я прекрасна, я и моё дитя, я и мои эмоции. Потянулась к ней, плавно съезжая со ствола, обдирая ладони, бедра, нещадно расставаясь с кусками плоти, ради сладкого момента упоением болотной жалостью и утешения, столько усилий, чтобы дотянуться до дна. Я утонула, растворилась в ней, доверилась. Упоённая её силой завизжала, мне мало, и визг мой сотряс тело и птиц, что жили. Холод, крайность и несвобода — погубила себя, не знаю что делать, ведь разум и мысли стояли в стороне, оставили меня, я корила их. Крайность-холодное дно, а птицы взлетели и показали мне величие хаоса — вдохновение, оцепеняющий холод — не моё, я и сейчас прятаться под одеялом от себя самой долго не могу, день-два. Я выбираю свет и я хочу тепло, не оглядываясь, из последних сил смотрела только вверх на мысль прекрасного, болтающего кровяными ножками ободранными на самом верху. Я карабкалась и любовалась мыслью до тех пор пока не стала с

ним единым целым, не слилась со своей частичкой, это то, что я назову «мысли материальны», конечно, умница, ведь это часть моей сущности, я обернулась вниз и посмотрела в какой глубине была — не моё, я хочу поверхностно как ветер быть мыслью везде, а моё везде — это там, где я сильная всеми своими частями и всем своим крепким телом. Наконец забравшись на вершину кедра, посмотрев вперед я увидела их.

— Как неинтересно, но ты продолжай, я заточу косу, сделаешь ошибку, приукрасишь, вильнешь и я отсеку тебе пальцы, -мамочка ухмыльнулась, её глаза отчаянно повеселели

— Ты что-то определенное хочешь услышать?

— Да

— Тогда прежде, чем я продолжу рассказ, сыграем в ассоциации?– это предложение всегда срабатывает, но эффект весьма непредсказуемый из раза в раз. Если играешь с мужчиной, то обязательно разрешишь ему подменить правила и готовься распускать волосы, если с занудой — он съест все бутерброды в рассуждениях, если с ребёнком — то ты проиграешь в любом случае. Смысл же всех игр — направить время, в этой игре на одном конце нити ты, на другом — человек-книга, ты словом запускаешь тему и этот бот находит в тексте книги человека ту главу, ту строчку, в строчке пара слов и какое-то он выдаст не задумываясь.

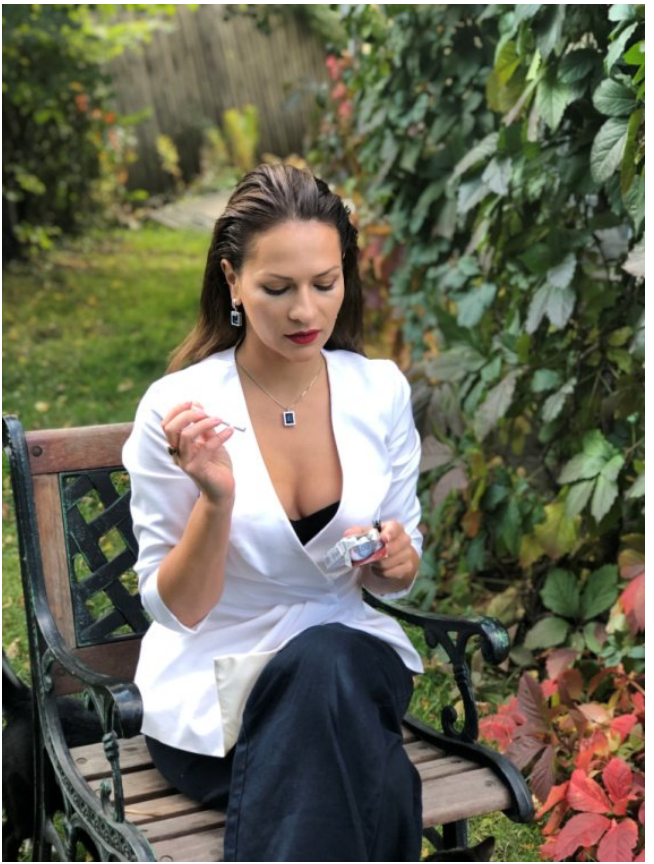
— что ты говоришь… ты меня расстраиваешь..– это авторское томное выражение согласия

— ожидание?

— зима

— возвращение?

— земля



— падение?
— предательство
— Любовь?
— нужда
— исцелять?
— себя
— убивать?
— бесконечно тебя
— исток?
— ты
— Близнец?
— она

С мамой в ассоциации лучше не играть.

Я продолжила рассказ.

Тогда я увидела долину, пестрящую живыми созданиями, так завораживающе красиво, что язык вывалился из приоткрытого рта и начал дирижировать этой симфонии . Так рисуют дети свои картинки, расставляя акценты причмокиванием языка о нёбо: земля была в изобилии усеяна растениями, кишила. Я в кучку собралась, тело сгруппировалось так, что почувствовала, как кедр впивается в мою плотную кожу, какая нежная эта плоть, с ней будет куча проблем. Не могла оторваться от животворящей картины, которая постоянно меняла узоры темпом, я изда-

ли позволила наложить на картинку мелодию, аранжировку сердцебиения, шума леса и моих постанываний — этот такт есть моё внутренне мерило времени. Музыка не позволяет точно определить сколько времени мне довелось, однако музыка наводит порядок в его течении — это лакмусовая бумажка качества и состояния моей жизни в момент. Из всей симфонии, что рождается конкретно мне принадлежит только язык — дирижер и покряхтывание, остальное мир крутит.

С тех пор, с пор посиделок на кедре и наблюдения, я обзавелась двумя личными принципами. Принципом времени и принципом музыки. Это знание пригодится не каждому, однако они неминуемы, духота и морозная свежесть, одно забирает ненасытное, второе исцеляет по тем же причинам, в дар. Неминуемое пожирание и рождение сверхновой, мой страх и моя мечта, одно следует из другого как узоры на картине быта людского в лоне природы летним прохладным утром. Стада животных наводили критичный хаос, оставляя следы повсеместно, мне хотелось потереться о них и мои ранки бы зажили. Я человек. Речка бурная отделяла их скоп от моего убежища, мир их ясный, понятный издали, по-

наблюдав, я могла бы заменить из них любого, плотно вписавшись в их косу кутерьмы. Я вдруг почувствовала поглощающую все мои сущности дыру в районе живота, сухость во рту, начала облизывать губы и ощутила влажность, которой было мало. Всё, мои наблюдения закончились, наступил голод, я стала придумывать что мне положить внутрь и первое, что пришло в голову — откусить себя, переложить одну часть моего тела, залатать дыру внутри, тело отреагировало неприступностью. Разум идиот. Эмоции забрали дыхание, сдушили мне горло, я увидела как блестящие, чуть заметные снежинки полетели вблизи, я начала ловить языком их жадно, но ощутила пустоту, и услышала ехидный смех моего разума, глаза закрылись от злости на себя саму и я упала вниз, полёт в три секунды натянул моё лицо в улыбку. А потом оно размазалось о мягкую, стабильную прочность земли. Земля — не моя стихия, во всех моих приходах я пыталась оттолкнуться от неё.

Она как совокупность всех ограничений для меня, она тянет к себе носом тыкая, я долго буду учиться летать ребёнком делая крылья из веток, из хвороста, коробок из- под холодильника, из маминой шёлковой юбки, ободрав коленки и чуть опустив нос, сбив чуть спесь я буду отталкиваться

от земли как та белка, что дала мне совет. А моя музыка будет под нос эмитировать звук скоростного ветра от моих попыток быстрого взлёта от пня, плотно поросшего мхом. Такая иллюзия, мои люди знают как я делаю это в лесу. Тогда очнулась от холода, вскоре опять голод — это заставило меня собрать свои конечности, они не были целыми, они не помогали мне, неравномерно покрытая корочкой ссохшейся крови я пошла на поиски, рот причмокивал, я всасывала прохладу воздуха, и тут почувствовала, что в воздухе есть вкус — насыщенный вкус ягоды. Это теперь я знаю, что есть ягода и сколько в ней ценного, но тогда я как слепец пробовала подряд всё от чего вкусно пахло, ароматы захватили меня, я выла и скулила, даже не оглядываясь высасывала утреннюю росу с листьев и почти рассталась с разумом пока не нашла землянику. Запах земляники для меня во всей истории останется константой исцеления, спасения, воскрешения. Залатать эту дыру земляника мне не помогла. Я волком бродила по лесу нюхая, исследуя и регулярно ошибаясь, за каждую ошибку тело наказывало меня неприятием пищи. Я завалилась на левый бок и смотрела в лес. Долго, тихо было, ветер гладил меня, земля, прогретая на поляне овеяла

теплом, стало хорошо. В третьей жизни папа будет делать мне также как ветер, как земля, время заберет его у меня. Голод разбудил меня движением копья в живот, плотнее свернувшись клубком, я окинула смиренным взглядом местность. Больше всего Мысли были заняты ручьём, меня завораживала сила, с которой он возникал и пропадал в глухом богатстве леса, превращаясь в буйную реку, отделявшую меня от упорядоченного набора живых существ в долине. Я побегу с ним. Но пока время было смотреть в лес, искать ответы на самые важные вопросы: « Что питает меня здесь?» и после чреды экспериментов, сформированный пониманием: «в какое качество эта пища приведет мое тело?». Тело — слуга полумёртвое не красит хозяйку, мне нужна сила и послушание, ведь планы на ручей и кедр истинны — я с ними не закончила. Заметила, хоть было некогда, что полагаться на своих «детишек» схема не рабочая, они каждый за себя, я не понимаю чем их сплотить. Положиться можно только на природу, сейчас — на белку. Белка вызвала улыбку, ее движения — восторг, я приподнялась-белка передвигалась со скоростью ручья, но не по заданной траектории, это была конкретно ломаная, с миллионом движений отточенных,

быстрых, ее сущность была одним целым с местностью, с ветром, ручьем, а не выброшенной с небес бесформенной фигурой. Она знает что она делает, где она присутствует и все это поразило меня прямолинейностью и открытостью смысла. Бесстыжая, благодарствую. Она брала шишку и возилась с ней долго, но высокоточно, долго, но слажено — она кормила себя орехами. Я дотянулась до ореха, который лежал так близко, что если прищурить глаз — он закрывал мне обзор половины леса, оставив существовать в видимости ручей — моё желанное. Я просто повторила за белкой точь-в-точь, много раз. Какая радость — их было так много вокруг меня, они лежали у носа, подсказки как пропитаться в лесу шныряют по кедрам тут и там. Наевшись радостью осознания и орехами, я улыбнулась и уснула крепко вновь. Победа, орехи, ручей.

Когда я закрываю глаза, я становлюсь одинокой, пропадает все. Пустота родная и плотная, тишина целительная, воздух есть, свет пить. Я с радостью укладываюсь спать и отдаюсь сну, ни к чему не стремясь. Так танцуют дервиши, кошки нежатся. И я хотела бы остаться здесь, в доме, но по причине принадлежности к телу здесь я гость. От моего пупка тянется нить, я вся в ней.

Покойно, но время возвращаться.

Я видела ручей, однако привлекал меня не он, а тот путь, что в его сути. Это как прыгнуть в аквапарке в крытый винт, зажмурившись, визжишь от радости безвластия и безотвратности, тело направляет, ты только и делай, что не сопротивляйся, радуйся и тебя помотает, да выплюнет на песок. То же было и со мной. Мне хотелось свежести.

-Тебе хотелось свежести и в ту темную, теплую ночь, когда ты потихоньку вышла из дома, оставив нас с дочкой. Ты думала, что я спала, но нет — рядом с тобой я всегда сторож и тогда, вместе с лязгом замка, стало мне ясно, что простить тебя шансов в этой жизни больше нет, -мамочка перебила мой упоительный рассказ так, что я чуть не захлебнулась.

— Тогда зачем ты пошла за мной?

— Я ведь была в теле мужчины

— А.

Человек, слушающий мой рассказ, расслышит интонацию горлового пения в слове «ручей». Человек, читающий мой сюжетец, прошмыгнул сквозь мысль, опрокинув ряд букв, буквам нет цены нынче. Это слово хочу пояснить. Я хочу перейти с вами на один язык, в одну систему координат ценностей и ключей. То, о чем мечтает девица, застрявшая промеж себя и тем, что она имеет, пусть это будет утюг или гитара. То, о чем она мечтает в укромном уголке сначала, а потом нагло и бесстыдно как кошка в марте. То, о чем она боится сказать себе вслух, потому что бабушка учила не говорить таких слов в доме, иначе не прогонишь. Она молит о разрушении. Чтобы кто-то мощный и сильный, а главное храбрый

и безрассудный, без преувеличения жадный и одновременно леденящий душу , невоспитанный ни одной известной культурой выбрал внезапно и конкретно принципиально и безоговорочно- её , и не спрашивая захлестнул в свой собственный мир. Чтоб та очнулась и понимала, что бабка знала, о чем говорит.

И ты ведь знаешь, мой читатель, так не говори мне, что я пишу красиво, но ничего не понятно. Вот теперь представь, что это и есть мой ручей. Узнавание обоюдных радостей человеку доступно с первого взгляда. Я плюхнулась в него. Это ничего не стоит в начале, но чтобы вылезти, не поранившись надо заплатить, это как влюбиться. Не делай так, живи аккуратней, коли рассчитываешь на скромный паёк от внешнего мира, из тёмного её кармана. Я плюхнулась в прохладный ручей, разбираться с течением пришлось сразу, меня тащило вглубь и вдаль единовременно, вот это решение, последствия меня поджидали за извилистым поворотом.

Вы делали аляпистые фотографии у водоёма? Там где бедро игриво приветствует смотрящего, наблюдающего, взгляд томно припущен тщеславными ресницами, комками слепленными водостойкой тушью? Там еще всегда платье и

волосы разметены и от фотографа вы ожидаете понимания и чтоб он зачикал вашу страсть и нежность? Делали, факт. Мы все такие, потому что когда-то в своём самом первом рождении водоём манил нас и мы оступались, а сейчас живём безопасно, живём живьём в жилете, создаём кто иллюзию, кто настроение, но когда стану бабкой, буду клясться, что в ручей плюхнуться стоит.

Впереди был водопад, я что-то сделала со своим телом, все остальные мои детишки вылились из меня в обиде. И больше не хотели возвращаться, я так и валялась в траве, на берегу, пока голос и шершавые руки не растеребили мои раны. Открыла глаза и не испугалась, рядом была женщина, настолько фактурная, настолько спокойная, что и разум и эмоции вернулись ко мне и я доверившись отрубилась восстанавливаться после падения дальше.

Её глаза цвета холодного неба и руки теплоты уровня земля дали обогрев всех частей, будто я к ней и шла, будто она — то мне и нужна, будто она даст дом. В правом верхнем углу висит коса кореньев, вздутых и битых плодов. Солнечный свет просачивается сквозь крышу из ветвей, мерцает. Здесь воздух обогретый — плотный плед тканый . Передо мной сидела та женщина, ноги её запечатались в сосуд, знаком бесконечность, перекатываясь с боку на бок, она не разливая жидкость в чаше, подносит её к моим губам, я хапаю жадно. Напиваюсь, и отвалившись на лежанку из сухих прутьев, исследую женщину нюхом, взглядом, лбом. Она не смотря мне в глаза, глубоко заглядывала внутрь, нагло и заботливо шарилась по внутренним органам, лимфатической и кровеносной , нервной системам. Я почувствовала эту инспекцию сильнее, когда она начала увеличивать темп раскачки бедер и открыла рот, чтобы начать свои песни. Её голос — это как раз самый острый инструмент, который женщина запустила ко мне в душу. Он лился и наполнял меня золотым светом, пробуждал клетки эпидермиса к восстановлению, сухожилия наполнялись кровью, её голос создавал вибрацию в колене и кулаках, что их разжало. Я вдруг обнаружила,

что сражение с ручьём окончено, я расслабилась. Это хорошая женщина. Я хочу соединиться с ней и благодарить, однако есть странность — она голограмма. При каждом движении одна целая и приятная делилась на разные. Правая сторона её лица не совпадала с левой, будто принуждала меня выбрать определенную точку зрения на нее, левая нога её при повороте вправо меняла очертания заставляя выбирать фокус восприятия её реальности. Когда я обозначила её голограммой — она проявилась.

Я выбрала. Мне пришлось, и как подобает жулику,выбрала то, что лежало ближе, чтобы поскорей унести, присвоить. Страха не было, однако возможность взять, сформировать, в формочку закатать подключила незнакомые вибрации. В теле — разлилась теплота внизу живота, будто в своём творчестве, каждый раз делая выбор пусть и поспешный, но крепкий, окаянный, свой — я корнями присосалась к источнику тепла. В остальном — это жадность и очумелое ненасытное счастье — грабастать из изобильной и содержащей все направления сторон света, все оттенки чувств и все рельефы губ, из тысяч волосин плотных и седых, из нескончаемых формул состава её тела, её слюны, из всего богатства голограммы в тот момент я взахлёб выбрала себе маму. Страшно признать, взяла то, что с краю. Ну взяла и взяла. Она красивая.

Она как-то звякнула голосом обрывисто и решительно; и остановилась в своём танце. Вот мы и встретились глазами, у неё глаза синие, неспокойные, взбалмошные, такие от которых хочется плясать. Мама тихонечко подползла ближе и дерзко цапнула меня почти зубами в лоб, потом взяла мою руку и аккуратно, поставив на ноги, вывела из хижины к солнечному свету. Передо

мной желанная долина, мама тянет в сторону.

— Сначала мы идём купаться, — сказала она, заговорчески и с таинством растягивая крайние гласные. Голос звонкий, пронзительный.

— Я уже побывала в воде и искупалась, больше не стану, не тяни, — я старалась остановить её мягкую , но тяжелую фактуру

— Стой же, остановись. Все женщины делают это, я покажу тебе как, ступай за мной сама, — пришлось идти, ведь любопытство.

Я шла за ржаным подолом её юбок и гордилась, что топаю за ней, ловила её мелкие сужения глаз, копировала и так я и знакомилась с ней и с её миром. Женщины способны создавать миры. Всё живоё вокруг влюбляется не в её генетический анализ, а в то, какое царство или бедлам создает в себе и распространит на окружение эта женщина. Женщина-колдунья, её уныние порождает больных детей, её тотальное счастье дарит благосостояние и благоразумие. Вы любите возвращаться снова и снова к какой-нибудь женщине? Если такая есть у вас, однажды вы невольно назовёте её мамой, даже если это генетический чужак.

Мы шли , и босые ноги мяли траву, мама аккуратно загибала цветы, я восхищалась её мягкой

поступью и бережливостью ко всему живому, однако резкостью и дикостью и чистотой её чувствоизлияния. Вы пили минеральную воду в бутылке? Пишут, что она настоящая, но это чепуха. Правда, вы об этом узнаете только испив из родника. Вода настоящая и живая не церемонится с вашими вынеженными внутренностями — студит и освежает. Мама словно прочитав мои мысли улыбнулась и сказала тихо «береги то, куда планируешь вернуться сама или направить своих детей». Вот уж царица, я интересно хоть немного похожа на неё? Загну-ка цветы неуклюже, мама одобрительно вскинула брови и звонко рассмеялась, аж страшно стало, всё-таки ведьма.

Неторопливо вела нас тропа, обнявшая гору. Разнотравье, многоцветье вглубь и вдаль царствовало. В плотности пространства не оставалось единицы времени для тишины.

— Послушай как дышит природа, — произнесла мама и если бы не она, мне бы показалось, что Золотые горы сдвинутся и я провалюсь и тоже превращусь в часть этой породы.

— Так и будет, — спокойно сказала она

Как только тропа вывела на новый уровень обзора, я замерла, увидев свои кедры- исполины, там, по ту сторону ручья. То, что обещал мне ру-

чей — я взяла и мой мальчишка-разум раздулся как бочонок, до краев налитый отвагой и знанием силы движения. Ну хватит размышлять, теперь я хочу взять и пробовать всё, что даёт мне мама, какие пространства она открывает собой. Мы начали круто взбираться в гору по красной скалистой породе и колыхания маминых юбок делали такт, делали песню, превращаясь в рисунок. Она ловко одной рукой завернула подол, открыв свои ноги, обернутые блестящими браслетами и не дёргаясь второй рукой закидывала в этот карман травы, одни срывая полностью, с других обдирая сочные крохи соцветий. Её походка стала плавной , перетекающей, ритм её возвышения был вязким и обволакивающим, я наблюдала за ней почти задыхаясь. Приметив меня в этом она ответила мне на мой немой вопрос:

— В здешних горах живут мудрые змеи, они обладают мудростью дыхания и силой для возвышения, используй эту мудрость и твоё дыхание поможет подняться легко и бестревожно, ведь сейчас ум твой служит крепким якорем той поляны, на которую ты любовалась, той поляны где ты появилась, она хранит твои следы и вмятины на траве, они вскоре зарастут, ведь сейчас ты здесь.

— я не могу, у меня закончились силы

— Ум забрал их. Свернись клубком, закрой глаза, чувствуй тепло исходящее от горы своей задней поверхностью, чувствуй тепло, исходящее от лунного света передней поверхностью, чувствуй тепло, исходящее из меня, я передаю тебе его голосом, эта алхимия успокоит мальчишку-разум и твоё дыхание узнает правильный ритм здешних мест, — мама сделала паузу, я бодро открыла глаза.

— Ты готова идти дальше, -продолжила она.

Мама по- прежнему шла впереди, плавными, соблазнительными движениями змеи, не шла, а точно текла. Я стала вторить ей, а затем вышла на свою волну, и мой подъем в гору превратился в наслаждение чистое, физическое растворение, временнУю независимость. Я собрала всю теплоту и умножила её внутри, моё сердце разрывалась от энергии, мои сосуды качали кровь мощно, но снаружи я оставалась иссиня обледенелой. В этом танце я перестала концентрироваться на маме и меня выбросило из него, тогда я заметила, что она вновь голограмма: она отражается во всем, что есть вокруг, и это тревога заполонила мой разум вновь. Я начала отсекать от мамы все остальные её неизведанные мне отражения, я намеренно отсекала от её физического тела искривления, и дело дошло до того, что я подошла близко и начала отсекать прямо по ней, словно отгоняла мух вначале, а потом начала ранить её острыми движениями. Мама долго изучала меня в этом. А потом глазами остановила меня, и она снова собралась в привычный образ.

— Это страх, — сказала мама и дернула меня резко, я почти сразу плюхнулась в воду.

Упала послушно в водоём и сразу заморочил меня разум, я почти выдохлась, захмелил суетой

вопросов, этот мальчик словно тина тянул меня на покой, запутывал. «Какой страх? Я бесстрашный. Я зрелый. Почему она голограмма? Почему она имеет стороны мне неприятные и отталкивающие? Почему она толкает меня? Она спасёт меня? Злая или добрая?»

Надо было спасаться, разум тратил последние силы на бессмысленный залп. Смысл не приходит от разума, смысл даёт время. Времени на спасение моего тела оставалось четыре секунды и из быть или не быть, я буквально заставила разум согласиться с вариантом «мне быть».

В каждой следующей жизни, тревожащие на ночь раздумья я гнала как бессмысленное, отравляющее болото. Иметь красоту, спать сладко и раздавать волнами радость можно только победив бессмыслие игр разума. Но оборотная сторона меня влекла. Мыслить творчески, бережно брать каждую секунду времени и творить блаженство. Лёжа на камушках пришло знание, что разум и мысль — это перевёртыш, я сама его кручу. От этого говорят — зациклилась. Это когда лень творить, тяжело творить, но легко говорить, обсуждать, и совсем пропасть, когда оценивать.

Приведя дыхание в норму, я оглянулась. Передо мной озеро, сияющее изнутри, желание приблизиться подняло меня. Ровная водная гладь скрывала не тину, тина — разум мой, но цветы, камни переливающиеся, цвет воды плотный и меняющийся. Чистота, притяжение.

— Ты всё поняла? — голос мамы был за моей спиной, я боялась повернуться к ней, боялась

увидеть не ту.

— Я не ведаю всё ли, — шепотом ответила я.

— Будешь грязной, вымаранной в страхе увидеть что-то не то, буду отправлять тебя в водоём снова и снова, пока не промоешься. Если не станешь творить и созидать — оборотная сторона мысли вдохновляющей сплетёт петлю тебе на шею и утянет, -без эмоций, с сухим треском в голосе сказала мама, лицо её и руки начали отсвечивать, я ясно увидела двух женщин в ней, от одной из них у меня невольно подкашивались ноги.

— Я боюсь тебя, — слёзки нарисовались на моем лице.

— Не играй в игры разума, это тебе не по чину. Это дело времени, признай это, не суйся и перестанешь бояться. Тогда я научу тебя играть со смыслами — девочкам нравится это.

— Здесь есть и другие девочки? — с изумлением и надеждой спрашиваю я

— Нет, они такие же как и ты, — она испытывающе заглянула мне в глаза, я удержала язык за зубами.

— Посмотри еще раз на водоём, каков он?

— Ты толкнешь меня опять? Не толкай, — я с мольбой посмотрела на маму.

— Я вправе поступать как хочу. Теперь закрой глаза, — её голос стал мягче,– найди луч дыхания в своём теле,– она мягко трогала моё туловище, словно в поисках сердца, её исследования были легкими, но она как сканер чувствовала меня изнутри, я понимала это по приливу теплоты в ту часть, на которую она накладывала ладонь и запястье,– сейчас твой страх блокирует дыхание, луч не преломляется, твой живот болит, ты не пускаешь теплоту вниз. Ты не дышишь, ты воруешь жизнь в страхе.

Она перевела дыхание, словно проглотив невидимые слёзы за моё бедственное положение.

— Поймай этот слабый ветерок дыхания и увеличь, пусть он распирает низ живота и грудь, и даже щёки. Делай как я сказала, — она с силой мягко надавила в район пупка, я испугалась еще больше, но она наградила меня улыбкой и я впустила туда воздух.

Что ушло первым — страх или боль неопознано мной, я сияла в улыбке и радовалась доброму лику. Живот приятно заурчал, словно кислоту, разъедавшую живот изнутри разбавили кислородом и теплом и она потекла, освобождая живот от оков тяжелых и шипованных.

— Открой глаза и посмотри на водоём, каков

он? — повторила мама.

— Не толкай, пойду сама, — и я отправилась бегом , замедлилась у кромки, на секунду я обвинила себя в ограниченности, но уже понимая, что вина-это послевкусие страха, я гордо зашла в чистейшую и дарящую прохладу воду, пряча под ресницами взгляд, ищущий восхищения у моего нежного и строгого наблюдателя. Она смотрела.

В ладу с собой я ушла в водоём. Любо нежиться в плотной воде, прозрачной и искрящейся на солнце, мягко укутываться в волосы тины, восхищаться художественной картинностью

подводного мира, уняв полипноэ сменить мелодику своей жизни. Время перестаёт отзываться, время меняет такт, взгляд превращается в зырк, и я приметила в глубине россыпь камней самых удивительных оттенков, серые пучеглазые рыбы ласкали мне живот и ноги. Поворот головы в сторону солнца подарил мне объятия собственных волос, я здешняя, упоительная мягкость и торжество водоёма облили меня радостью, я стала кружиться, сворачиваться калачиком и летать на водных дюнах, то уходя глубже любоваться сокровищами, цветами и рыбами, то подниматься к зеркалу воды, там где солнце.

Прямо надо мной стояла матушка, её спокойствие не искажала толща воды, лазурь в её глазах отныне обязательная составляющая одновременно всего : неба, воды и воздуха. Наводнённая любовью я нырнула глубже, чтобы достать для нее что-то, что олицетворяло бы это чувство. Вцепившись в глубину за корни водорослей, я внимательно оглядела дно. Солнечные лучи, проходящие сюда, озаряли панораму. Тело исправно начало подсказывать, что воздуха в лёгких и животе осталось вкоротке, в мелодии моего времени появились барабаны, что щелкали в висках, зарождался страх. Я не могла позволить

себе вернуться без благодарности. В момент эмоции начали подныбать, затем висеть на руке, я скинула их любящим резким движением «осадила»-снова пронеслось холодком мимо меня и я выбрала дар. Усилием желания я оттолкнулась от донца, оставив за собой недолговечный след. Глотнув воздуха я не отрывая глаз от мамы не спеша подошла к ней близко, так близко и сама, что захотелось спать от излучаемого ею тепла, как от печи в январе. Глаза обмякли, передо мной растянулась голограмма. Мама и та женщина, она точно её отражение надломленное или тень или животное, которое я позже встречу на поводке, она и её и она и с ней и похоже чаще и ближе, чем я.

У второй кривой рот, узкие глаза и вздёрнутый нос, ничего мягкого, даже волосы жесткие. Я стояла как столб, а все на меня смотрели и ели и кедры, и птицы и рыбы, все были свидетелем развертывания мамы в своём разнообразии и индивидуальности. Я стояла как столб и свидетели каркали мне в спину, они знали, что я несу дар, волны накатили и брызги обливали мне спину осуждающе и вопиюще.

— Мама, кто это? Та, что всегда в тебе, в твоей тени?– уставшим голосом спросила я.

— Тебе доступен весь спектр моей личности, я открыта перед тобой. Стою вся как есть — ответила голограмма.

— Мне не нравится она, — я кивнула в сторону холодной тени, откровенно избегая соприкосновения наших глаз

— А мне не нравится она, — она указала на пухлую от слёз луноликую девчонку.

— Это мои эмоции, а не я, и я учусь ей управлять, — девочка послушно встала за моей спиной и выпрямила спину. Я своим голосом подняла градус разговора. Пронзительные немые упрёки, кратко выраженные в вопросах с точками в конце, непринятие ответов, искажение истины.

— Учись старательней, у тебя плохо получается. Эта женщина, с которой ты боишься встретиться взглядом — я, тебе угоден мой архетип, ты принимаешь все блага Служителя, но за моей спиной женский род, в нём есть всё, тебе еще неведомое, уважай это. Настанет время, — она улыбнулась так ехидно, с мудрой оскоминой в звучании слогов, что я готова была ринуться с кулаками на ту, что прямо и несгибаемо стоит рядом с моей мамой , но в кулаках был зажат дар, камушек со дна,– я вижу, тебе не терпится разжать кулаки, ослабь их.

Напряжение только нарастало. Я с трудом контролировала все свои грани. Кипела чайником. Это не ресурсное состояние, не ввергаться бы в него отроду. И когда я была на волоске от преступления, тень вышла вперед и перехватила мой взгляд. Эмоции готовы были напасть. Ловко тень настигла взглядом и их. Сверлила мою девочку взором, пока каждая мышца на её подвижном личике не была расслаблена, одновременно с этим мои кулаки разжались и камушек ударился о земь.

Этот камень..все посмотрели на него. Весь спектр наших двух личностей со всем приданым за спинами. Каждый понял символ выпавшего из рук лазурита по- своему. Время будет расставлять эти смыслы.

-Ты вымокла, пойдем за мной, — она собралась в кучу и ровно ничего не случилось указующим движением направила меня.

Я с сожалением посмотрела на камушек в последний раз, он проводил меня сиянием золотых и пиритовых вкраплений. Мы спускались стремительно. Смирение приходило, я не гнала его. В размышлениях путь близкий, солнце окончательно скрылось, мы подошли к поляне, припрятанной в гуще извилистых поворотов кустарника, сброшенной ноши горной породы и родных кедров-исполинов.

Посреди стоял костер, кругом костра сидели старые женщины: полы их платьев расшиты узорами, цвета цветов, волосы заплетены туго в многочисленные косы, поднятые высоко на лоб, толстые и извилистые, словно змеи скрутились на их голове и пускают в их тело целительную дозу яда. Сидели они на узких пнях, мягких от мха, их лица ждали и дождавшись нас, женщины начали свою мистерию.

Головы стучали такт и прокручивались одновременно, демонстрируя расслабленность позвоночника от самого его основания до головы змеи из кос, ритмичное жамканье звуков вскоре прояснили текст, они пели.

Их мелодичный язык был другим, но вместе с тем понятен всем и мне. Это как мать понимает первую болтушку своего дитя. Бабы воспевали

ветер, землю, траву, росу, листву, словом любили всё в круге своего украшенного простотой и дикостью природы пространства.

Плавно к ним подходили статными и плотными шагами девицы, их косы толстым кнутом били по ягодицам, они несли себя аккуратно, их голоса вплетались в песнь, они новой волной усилили старую и теперь звук наполнил больше, чем удавалось видеть глазами, когда голоса поднялись высоко, так что макушка звенела, то колокол остановился, продолжившись в вибрации. Девицы залепетали радостно приветствуя себя и подруг улыбками, их веселье распылялось, они расплели косы, подняли юбки и с песнями неровными, с выкриками стали прыгать через костер, визг стоял, а я присела, мама потерялась в сумерках и я была довольна уединением-единством стихий беснующихся женщин и очарования природы.

Я любовалась лицами женщин, скоростью их реакции, блеском волос. В одной из жизней я появлюсь на свет фотографом, и всю её потрачу на поиск этих фрагментов, на сборку их в коллаж воспоминаний о том, что изначально, нерождено, истинно.

От искр костра и икр задорных женщин во

мне пробудилось что-то особенное: теплота и взвинченность в паху. Так стыдно, ведь я раздета. Сделала несколько шагов назад и скрылась в темноте дикого шиповника. Укрылась, скрестив плотно ноги и подглядывала за танцами. Мои волосы то ли запутались, то ли мама меня отыскала.

— Ты теперь чистая, свежая, пора согреть платье, — она протянула мне тряпочку.

— Цвет водопада, в котором я тебя нашла, он проявляется в твоих ультрамариновых глазах, когда внутри у тебя тишина,– она уверенным движением вздёрнула тряпице и то развернулась в полотно.

— Платье из виссона, силуэта Ферт,– мама похозяйски распорядилась моим телом, завернув его в этот тончайший лён.

— Лён со временем залечит твои увечья, там где плоть слабая — он стянет нитью. Купайся в нем, спи в нем, танцуй и горюй в нем,– она расправила на мне пышные рукава, придавая им форму шара с обеих сторон, лентой обвязала меня узором так, что всё туловище моё стало стиснуто в вертикаль, я ощутила единственную опору в ступнях, глубоко вздохнула и почувствовала как по трубе моей юбки поднимается тепло земли,

а концентрируется по обеим окружностям рукавов. Я стояла плотно, мама снизу глянула на меня удостоверившись, что стою и затянула ленту сильнее, закончив мой образ увесистым узлом, что немного оттягивал спину назад, раскрывая плечи.

— Сегодня твоё имя Фифа,– она подняла бровь и улыбнулась кончиками губ.

— Что это значит? Будет другое?– пыталась я остановить этими вопросами её устранение к свету костра, но я не успела.

Мама вышла к свету искр и я увидела её впервые такой. У неё было совсем другое платье, силуэт Аз, её волосы были уложены волнами на один бок, полностью открывая изящность подбородка и шеи. Причёска была выбрана природой неспроста, её ковал ветер, мама изогнула шею влево, а взгляд направила ввысь, под мягким светом костра мне казалось, что с темно-лазуритового неба её кудрями прямо в землю входил и свет и влага.

Платье силуэта Аз отзывалось на её движения клёшем, а руки она сложила горизонтальной линией, обняв локти. Этот царственный танец был только её, вся сложность её личности была гармонична в этом наряде, на своём месте. Мама светилась. Дав энергии сойти с небес и впитаться

в землю, насытить её, удобрить. К её танцу начали подключаться в строгой очередности другие женщины. Каждая из них двигалась в своём собственном ключе, была неповторимой и разнообразие их силуэтов и энергий были похожи на сложный механизм, вращающий это место в своём собственном времени. Синергия женщин мне казалась чудом и не только мне, даже старые бабки приподнялись, в их улыбках искрилось желание жить.

Все чувствовали себя частью этого звездного шествия. Центральные фигуры начали замедляться и вытаскивать с обочин девушек, приводить в танец, помогая раскрываться в индивидуальности движения. Каждая знала своё место, и я не исключение, моё место рядом с мамой.

Я ждала когда она пригласит меня, от ожидания и статности осознания своего места в почетном кругу мой подбородок приподнялся, глаза заблестели, а их транс-вальс внезапно окончился и только тогда мама подошла ко мне.

Я ничего не стала спрашивать у неё, только вздернула нос и покосила глаза.

— Ну конечно,– сказала мама, — ты же Фифа!

Она произнесла способом выдувания воздуха из щёк, и мне стало ясно, что я ничего не значу.

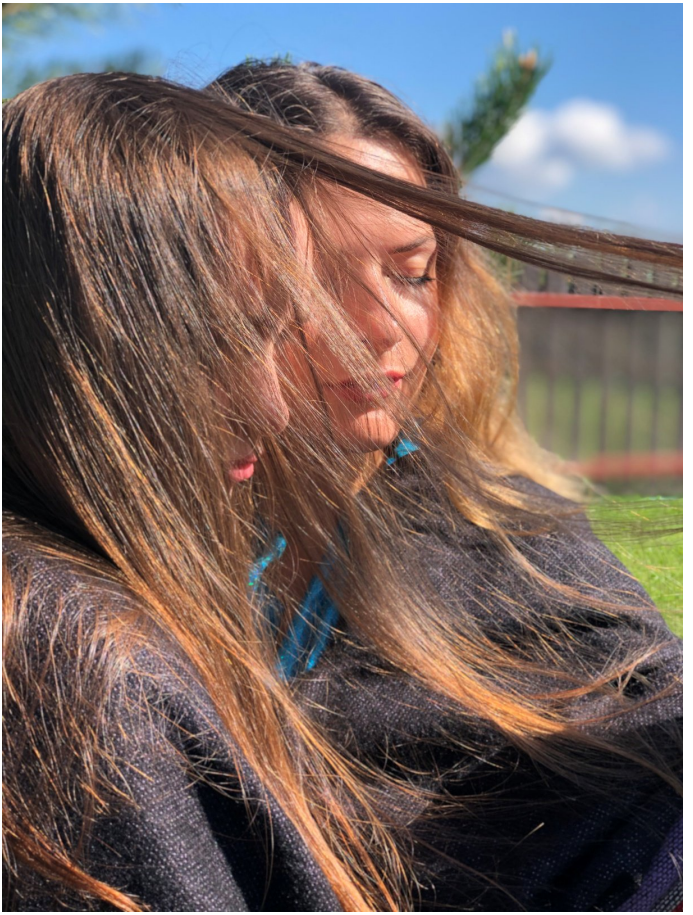
— Сейчас будет твой выход, Фифа, — она сияла в улыбке и торжестве.

Из дальних неосвещенных закромов, как из задника, пошитого ветвями кустарников и диких цветов, украшенных тенью деревьев и всегда свежими рубцами гор выскакивали оголтелые тёлки. Уже издали я видела одинаковые, маркером очерченные угольные брови, даже тень шиповника не справилась с выпирающими губами, выходящими за пределы лица, словно их лики рисовали не кисти великих Луны и Венеры, а те, кто уже знал про линейку и транспортир. В их движениях не было ничего естественного, ни стыда, ни порядка, они словно искусственные и отверженные жеманно двигали телами, их ритм исходил не от песен бабок, в них вовсе не было музыки. Зато было ощущение, что у них есть поводырь. Удивление меня ошарашило, когда они добрались до софитов костра. Их облик был смело украшен: одинаковые платья, не имеющие силуэта, подчеркивающие пышность и дозволенность груди, ленты украшенные камнями врезались и перетягивали их тела, вызывая не то аппетит, не то устрашение, все дороги их одежд вели и открывали путь к тем местам, где природа наградила тело гущей волос, в надежде защитить.

Мне стало смешно.

— Иди, твой выход, — мама повернула голову в хаос девок. Мне было ясно, что это либо шутка, либо наказание. Стыд покрыл меня.

Я вошла в их кругомель. Было понятно, что в этом окружении я должна занять место среди них или стать тем самым поводырём. Меня рисовала луна- это априори королевский градус, значит проводник я. Управлять шайкой этих полумертвых, жертвенных самок возмущением и презрительным взглядом, шлепком по щекам или ягодицам — дело ёмкое и не пристало. Девки жаждали от меня общения, вымаливая вопросами глоточек жалости к себе, потешаясь над моими нечесаными бровями и локонами, а я захотела сесть, обнять себя руками. Мама смотрела надменно и слегка улыбалась — в ответ я зарыдала что гром разнесся. Мои слёзы слаще свеклы с сахаром и пока я ревела танцы дикие и необузданные этих чудовищ не прекращались. Меня становилось меньше, чудовищ больше. Как только разум доложил мне об этой несправедливости гром слез стих. Эмоции подошла ко мне и обняла, мне пришлось встать, чтобы прижаться к ней и согреться, чтобы улыбнуться.



Какая грязь кругом. Разум мальчик мой и луноликая девочка не оставили меня в этом сраме. Нужно было только начать ступать. Сначала глаза я держала закрытыми, чтобы не видеть лица мамы, и грязных рях девок, затем я смогла смотреть прямо.

— Фифа, — прочитала я с маминых губ.

« Моё имя на сегодня Фифа. Я Фифа. Я Фифа. » Позвоночник выпрямился, рукава фонарики требовали подчеркивания власти и пустоты этого имени, чтобы хоть как-то засветиться энергией, я прислушалась к неровному ритму своего сердца и в такт с силой наступала на пятки, раскачивалась на них всем весом тела, добавляя силу инерции.

-Я Фифа, — и при движении маленький уголёк энергии поднимался из земли вверх по позвоночнику и чтобы расстелить энергию на север и на юг я делала сбрасывающие движения пальцами в стороны, энергии земли мне хватало лишь для того, чтобы нос задернулся чуть вверх, а ладони превратились в растопыренные куртяпки. Концентрация проводника энергии, даже такой несмелой — огромный труд, но я освоила эту энергию, заняв положение мне подобающее. Свысока видела похвальные взгляды старых женщин и слышала резвый смех матушки. Я уже

никогда не стану прежней, частично обнаружив себя в новом качестве и частично соединясь с природой. С высоты вздернутого носа я также обнаружила цоканье и шиканье девок, на которых уже не обращала своего внимания- «то- то же, знайте своё место».

Я вздумала уйти, но девки меня не отпускали, словно пиявки они присасывались то к ноге, то к узлу. Лучшее, что я могла делать — это продолжать раскачивать энергией этих девиц. Надо сказать, что они ненасытными были, я качала её сколько могла из земли, они буквально высасывали из моих пальцев. Настоящая вакханалия и я её центр.

Я Фифа — я ничего не значу и подпитываю этих мелких лизунов. Устала, сбросила куртяпки и пошла на разговор к моей мудрейшей.

— Я хочу другое имя! — остатки энергии щелкали за ушами

— Но сегодня ты Фифа, ты же чувствуешь это в себе

У меня совсем не осталось сил, девки забрали то, что я давала и то, что было изначально, опустошили меня в целом. Тело просило покоя.

— Я хочу спать

— Нет, еще не время спать

Я не ожидала такой бесцеремонной жестокости ко мне, платье, которое она на меня надела словно превратило меня в узника.

— Ты должна познакомиться со всеми и выбрать

— Что я должна выбрать?

— Должна выбрать свой архетип, свою принадлежность

— Я не Фифа- это ясно?

— Ты сейчас максимальная Фифа, таких тут еще не было

Как тонко мама может взъерошить меня. Как стойко я держусь. Как много благ я получу, благодаря сей прочности.

Тогда я нашла укромный уголок, развалилась на уютном дереве, оно обрадовалось мне теплом. И с этой секунды всё пошло наизлом. Я точно кнопку нажала на стволе.

Тучи сгустились, как это бывает стремительно и врасплох, ветер колобродил, затем забуянил шибко. Гром раздался, все мои нервы сконцентрировались на уклонения от капель дождя, мне казалось, что если вода с небес прольется на меня, то я прольюсь тоже, а Фифа не ревёт под берёзой, она гордо держит подол . Гром держал пространство в своих лапах, все виды и подвиды

женских колец замерли. Мои лизуны припали к земле, а взгляд направили в небо, всё нормально, лбы у них не морщились — в них вколот кол или что-то около того. Старые бабы переместились глубже, освободив место у костра. Маму я и не искала, взрослой стала. Гром словно приближался, словно готовился напасть, было чувство, что из-за горы стадо диких кабанов вот-вот настигнет нас, а молния добьёт, но я не заплакала, оценив себя по достоинству . Сердце замерло от восхищения, это что-то новенькое, на наш бал начали собираться мужчины.

Сместилось пространство, пошло на изгиб, готовя мне шелковую петлю. Наш бабий храм замолк. Мы статуэтки, бережно расставленные рукой провидения в лесу. Мужчины принесли за собой колкий сибирский снег и молчание. Мне стало так холодно снаружи и горячо внутри — услада от вибраций величия мужчин тех краев. Они были разными, рассматривать их было сложно, глубокие морщины и мудрёные узоры на плотных телах исполинов таили истории, самое красивое — их медвежьи лапы мягкие, самое чарующее — их блестящие глаза глубокие. По — хозяйски бодро и справедливо расселись мужи вокруг костра и бабы замкнули кольцо, какое-то время молчали, мужчины приветствовали нас, обходя взглядом одну за другой. Мы растворились в их присутствии. Бабья непостоянная энергия наслаждалась минутой статики, минутой проверки на чистоту крови, во мне жизнь точно единой струйкой полилась и вот она: двухцепочечная правозакрученная спираль, цепи разнонаправленные 3 и 5 минут, диаметр 2 нм, шаг спирали 3,4 нм, каждый виток спирали 10 пар нуклеотидов, каждый нуклеотид 0,34 нм по длине в цепи. Дезоксирибонуклеиновая кислота — ДНК запечатала эту встречу. Я была новенькой,

но взгляды мужчин за меня не зацепились. Они оглядели свой круг и Шта взял слово.

— Зима ютиться за холмами долго не станет, надвигается, пришло время нам решить, мы прячемся или встречаем её здесь, — Шта говорил спокойно, но чёткость звуков и ясность мысли ввергли нас в тревогу. Бабки закурили травяные трубки, погружаясь в раздумья.

— Пришло время меняться. Здесь наше место, но значит ли это, что мы должны быть деревьями, прикованными к недрам земли этой, ведь даже зверь бежит в поисках спасенья. Солнце будет вставать для нас и на той стороне ручья, — голос старейшей кончил тишину.

— Но ты сидишь на этом пне!!!– прорычал в своей естественной красе мужчина с яркими черными глазами.

— И я сходить с него не стану. Вы здесь оставите меня, я так велю, я вижу так, — осадила бабка юношу.

— Я выдеру его из-под тебя и понесу на собственных руках,– перечил черноглазый бабке так, будто всё уже решил.

— Слово — от Мысли, Дело — от Слова, Мысли — Идея, Слово — Основа, — произнесла старейшая, и её слова подлинным заклинанием усмирили его.

Он фыркнул как и следовало, откровенно и борзо. Отвернувшись от матери, он сказал в круг:

— Здесь я появился, и вы все, здесь наш сад, наш зверь и наш ручей. Мы встретим зиму здесь, я не хочу бежать как зверь. Уж лучше сгинуть у твоего пня, чем каждый миг бояться, что гром голоса расколет стену и потонем мы на той стороне ручья — у него закатились слёзы, он плакал.

— Здесь, в тиши, в покое безмятежном мы иссякли. Я молодец, взяла своё и к корню поясницей приросла, но ты! Как твоё имя ? Вспомни кто ты, раз заговорил ты о появленьи.

— Моё имя Юнь

— Не всё сказал. Где твоё счастье? Что говорит имя твоё? — она обволакивала его голосом, демонстрируя абсолютную власть

— По теченью плыть стремись коль движенье это в высь. А при смене направленья, выходи с того движенья, — прокричал Юнь

— Ты потому и кричишь, а тебя не слышат. Делай счастье себе. Нашу мудрость вы усвоили и наш завет вы будете беречь до скончанья лет. А мы здесь останемся, конец. — кончила старейшая

сей разговор.

Мужи сгустили брови. Открыли рты и пели с силой. Их песня была не для слов, а для вибраций, как будто в этом всё: и лечение и облегчение и ясность как быть дальше. Кольца женщин усиливали друг друга и природу вокруг, здесь я увидела глазами исконную связь женщины с природой, мои лизуны пели тоже и это было красиво и они были красивыми в этом. Упоение. Когда звук стал остро высоким — Шта поднял руку и остановил всё.

— У нас новенькая, выйди, покажись, — Шта ярко вспыхнул улыбкой в меня, я видимо-невидимо иссиялась и пошла. Он стоял с протянутой рукой, и я шла и мечтала её поскорей потрогать.

— Как твоё имя?

— Я Фифа, — ответила я. Меня смело грохотом смеха

— Покой, — остановил смех Юнь и подошёл к нам ближе

— Мы не можем быть прежними, от нашего смеха сотрясаются горы, от наших песен трещит стена. Нам пора меняться, но мне неведомо в высь тот путь, аль нет. Иди в свой круг, — обращаясь ко мне сказал он и рукой направил к лизунам.

Я прошла узор колец насквозь. Разум оставила

с ними, сердце с одним из них, остатками вышла напрямик в лес, в гущу. Моя дерзость требовала выхода. Мои вопросы требовали ответов. Мои побуждения требовали советов. А я одна и теперь не целая. Порывистыми шагами я мчалась к ручью, по пути сбрасывала уже подмороженные листочки с деревьев, резкими движениями срывая красные ягоды и беспощадно кидая их прямо под ноги ни то помогая природе скинуть отжившую ношу, ни то губя. Тоже самое я думала и про себя. Я говорила вслух вопросы и от того, что ответов нет, мне становилось горячо горько. Несправедливо это всё. Ручей замелькал среди деревьев, я кинулась к нему. Вот он. Бурный, опасный, делит край надвое. На той стороне появилась я, здесь обитают все они. Хочется мне обратно? Нет.

— А теперь говори честно. Ведь ты наедине, меня в расчет не бери , я могу быть отраженьем, — мама.

— И следить за тем, на сколько я честна из-под полы?

— Я могу сделать так, чтобы ты стала честной из-под палки.

— Мне не нужно отраженье!! я хочу занять своё место по справедливости, я должна быть в первом кругу женщин!

— Тебе не угодно собственное отраженье? Что в нем не так, скажи?

— Ты не принимаешь меня под своё крыло.. как это делают все живые, ты кидаешь меня в страшную глубокую самость и когда я не справляюсь, и лечу в глубину, нет рук которые бы меня поймали и направили.

— Однако сейчас я здесь, с тобой, — она говорила так мягко, краешки её губ улыбались мне и целовали мне лоб на расстоянии моей напыщенной самости. Её нежность победила мою вспыльчивость.

— Ну.. обними меня, — мама внимательно подошла ко мне, внимательно взяла мою голову в ладони и сложила её у себя на груди.

— Хочешь ли ты вернуться обратно? Туда где появилась?

— Да, но я хочу оставить здесь свои частички, чтобы потом позвать всех за собой, но мне не хватает себя, нужна твоя поддержка.

— Вот я стою , держу твоё лицо. Я для того дана тебе, чтобы помочь узнать себя, а не поставить в круг своего кольца. Если бы мать ставила дочь на своё место, мы бы не выжили, мы б сгнили. Ты чувствуешь своё — твой долг найти дорогу к тому месту, по типу того как ты отыскала путь ко

мне тогда, через испытанье, через падения, через ручей. Если ты будешь душой косить — будешь довольствоваться тем, что тебе подают, по типу того как вышло с низшими. Чистота крови проявится, верь мне.

— Кто есть низшие?

— Лизуны -так ты их прозвала и мне нравится твоя задумка. Низшие символы в нашем узоре, их обозначенья вычеркнут со временем, но они от этого станут сильней, они забудут своё место и через тысячелетия низшие будут властвовать в первом кругу. Мужчины станут слышать их низкие вибрации и поклоняться им. А женщины сократят свою природу и станут несчастными. Сейчас же место им знамо, мы их принимаем, но мы сильней.

— Но как вам удаётся? они ненасытны и просты. Они красивы и грязны. Они такие запрещенные и после них у меня даже во рту песок, но глаз хочет их и звон наших голосов не полон без них они нечто необходимое и безобразное в вседозволенности.

— Эта система и она сильная и она будет работать до тех пор, пока женщины первого круга не утратят мудрость.

— Ваша система не определила и не обозначила

меня должным образом.

— Система всегда работает верно. Посмотри на себя, ведь ты не остановилась , хотя и отчаялась на месте поводыря лизунов. И я хочу заметить то, о чем ты не сказала самой себе. Система подарила тебе встречу с мужчинами, и это тебя изменило.

— Да. Я оставила её пока рядом с ним, чтобы неприметно она радовала его грустный день, ведь теперь у него сложная задача на плечах.

— В тебе зародилась сексуальность, ты назвала её сердцем и это добрый знак. Только этой встречей была рождена в тебе женщина и какого она круга — покажет время. И я жду её проявления.

— И я жду, и я боюсь, а вдруг она не та. Я бы хотела, чтобы она радовала Шта. Хотела бы, чтобы она вызывала его улыбку.

— Время позаботиться о ней. Сомнения и страхи уйдут после купания, пошли.

Мама потянула меня к ручью. У меня туловище превратилось в бревно и отказывалось идти . Я боялась, что мама толкнет меня. Боялась, что ручей вынесет меня- ведь всё это уже случалось . Но мама взяла мою руку и внимательно ко мне повела к воде. Мы погружались медленно и тяжело. Мама разворачивалась в голограмму, чтобы устойчивее держаться на воде и меня это не удив-

ляло, я растаяла в благодарности её присутствия и её поддержки. Ручей промыл меня и вымел песок изо рта, разгладил мои складки, вытянул мои волосы, мы в тихом счастье выползли на сушу.

— Сексуальность должна быть при тебе всегда. В ней и есть основное различие между женщинами первого и последних кругов. Ты оставила её — не делай так никогда, как если бы не хотела стать бесполым существом. Лизуны — их символы выброшенные на ветер слова и выброшенная сексуальность, непринятая, разросшаяся сорняком или сгнившая от боли.

— Что мне еще необходимо знать?

— Сексуальность — это не служение и не работа.

— Разве она обманывается? Я не могла ей управлять, она сама сделала выбор.

— Это не значит, что так будет всегда. Теперь в тебе есть разум, эмоции , твой стремительный дух и сексуальность . Они разные и развиваются в разных направлениях. Твоя задача выбрать предназначение и направить их туда, но знай, что сексуальность сохранить сложней всего, она беззащитна.

— Я услышала тебя. Я сердцем с Шта, эмоции с тобой, мой разум в кругу мужчин остался, мой

дух прополоскал ручей, я кажется, довольна.

— Ты ясно видишь цель?

— Цель достигнута, я здесь с тобой, а завтра я поставлю цель иную. Ясно вижу путь. Благодарю, мама.

— Давай спать.

— Его задача ему по плечу, потому что он на своем месте. Вот теперь представь, если б он должен был поставить своего сына рядом, откуда пришло бы доверие к нему и к тому, что ему по силам и справится ли он?

— У него есть сын?

— Ну что ты, будет, но в свой срок.

Мама улеглась складно и прикрыла глаза. Всё изменилось. Я обрела и уверенность в эту ночь и новую подружку, даже две, одна вот притворяется, что спит, другую найду завтра же и всё с неё спрошу. С такими мыслями я провалилась в сон. Но ночь была против этого. Поднялся ветер, покрывший нас изморозью, мы резко проснулись, обледенев и решительно сорвались бежать в лес, было понятно, что лес запорошен и что времени на решение о переселении не осталось. Глаза на бегу фиксировали красоту и суровость природы.

Мы застали мужчин в плотном и узком кругу, от их бесед исходил дым решительности и гром сосредоточенности. Я не посмела подойти ближе положенного мне расстояния, мама бросила на меня положительный взгляд, остановилась, выпрямила стан, выровняла дыхание, собрала женщин первого круга и они обняли кольцо мужчин . Я направилась к лизунами на ходу придумывала чем мы можем помочь, первое что пришло в голову- укрыть их тела. Теперь я поняла систему — разум мальчик мой находился в кругу концентрации проблемы, поэтому я мыслила ясно, четко, негибко. Я подняла шум ладонями, лизуны меня не услышали, я взяла в руку палку — лизуны реагировали пошло, я включила бас и приказала:

— Девки, задача — делать новые наряды.

Они смолкли, идея их заинтересовала. Тогда я, не теряя связи с ними засветилась энергией, контакт установлен. Времени на удивление не было, но я нашла её среди лизунов — мою брошенную сексуальность. Это было паршиво.

Лизуны оказались проворней меня. Стоило зачать дело — они поняли конструкцию и принялись собирать высокую траву, мять, перебирать пальцами, отсекая грязь и прелости, сбивая осно-

ву в тугую нить. Суждено было переодеть команду девок, суждено было стать мне неустойчивой в своём одеянье. Мужчины несли нам кожу и я настолько увлеклась созданием и творчеством нарядов, что забылась. Моя сексуальность, завернутая в колобок, с вплетенными волосами в ткань от забытья сонная переваливалась от костра, чтобы согреть пальцы к траве. Маятник. Я зависла, изучая её, мне стало жаль. Мы работали — звучит как отговорка от жизни, однако по итогу лизуны снабдили теплой одеждой всех, мы не ушли, зимовали тут. Дни веретеном стянули нас спинами друг к другу, каждый был занят частью своей работы, выполняя её изуверски прилежно. Мужчины первого круга были заняты охотой, второй отряд благородных был занят строительством, они экспериментировали и то копали вглубь, то лепили ввысь. Так у нас появился склад пищевых запасов и разного рода лачуги. Женщины первого круга выполняли всю остальную работу. Спали мы с лизунами в глубокой яме, обвившись клубком, мы забыли о наших ритуалах у костра, там как и прежде оставались лишь старейшие, упрекая нас за трусость и проклиная наш путь. Темнело зимой быстро, и вместо единого костра, каждая масть нашего общества подогревалась

скромной теплиной у своей обители. Маму я не видела долго и тосковала по ней каждую секунду, годящуюся в жизнь, а не в работу. Сама став словно мамой этих существ, я чувствовала ответственность за них, и эта сильнейшая обуза тянула меня высказаться. Тем вечером я впервые говорила с лизунами как с женщинами.

— Рада сообщить вам, что мы свою работу сделали и даже впрок. Время отдохнуть и обдумать какими мы пойдем в путь. Я хочу, чтобы вы говорили со мной об этом, — крайне выгодная интонация звучала из меня произвольно.

— Мы не пойдём, мы хотим быть здесь, с тобой, взгляни на меня — я немного свечусь

— А если я расскажу вам о том, куда поведу ? Но я не порываюсь быть поводырем, я хочу пойти с вами на равных, одной полосой, одной категорией. Всё это время, пока мы работали, моё тело было с вами, моя сексуальность была с вами, разум мне был не нужен, и он не хочет возвращаться от мужчин, я потеряла его, но мне достаточно его тени, из которой вырастают фантазии. В них я свободна от вас. Но вы по-прежнему со мной по желанию, без долженствования, — сделав паузу я, говоря о свободе, уселась у лучины и жестом приказала рассесться и им, они послушались,

от чего мне хотелось их сжечь и начать заново. Однако, в условиях холода — эмоции замерзают первыми.

— Чего боитесь?

— Мы знаем своё место, у нас у всех есть имена, спроси нас лучше об этом.

— У вас есть имена? — я считала, что получение имени, как в моем опыте — это путь с препятствиями и только разобравшись с ними, ты имеешь право называться.

— Наши имена по кругу читаются так: с тобой говорит Пси и если тебе угодно — я расскажу что значит моё имя, но смотри дальше, — во время рассказа у девушки появился характер, я явно многого не знала об этих существах, — это Кси, Омега, Юс старшая и её сестра младшая со своими племянницами, Ять, Гервь, Зело, Ижеи, Ижица, — она говорила и при произношении имён девушки, светившиеся тусклым энергетическим огоньком — сияли, приветствуя меня.

— Я не ведала

— Мало кто ведает, но ты узнаешь сведущих по их положению. Мы тоже несём мудрость благодаря тебе и связи с первым кругом используемся. Мы никуда не пойдем, оторвавшись от матрицы мудрости этого места, мы уже не сможем вер-

нуться. И ты такая же как мы, ты просто гордячка, мы позволяем тебе быть такой как дитя.

— Моё имя Фифа! Я дочь женщины первого круга и я по праву происхождения выше вас

— Тогда давай обсудим какой смысл лежит в твоём имени? Я Пси,– продолжала она, девушки улеглись вокруг лучины и безмолвным решением одна разливала чай, подавая чаши из березы по кругу, две другие вынесли одеяла из крапивы и конопли, появившийся из сумрака Шта принёс впервые дрова и аккуратно выстроил нам костер. Девушки любовались, пуская холодный пар навстречу его горячему лицу, я почувствовала, что разговор будет долгим, не по моему сценарию и под наблюдением прекрасного мужчины, держащегося подальше от нас, исчезнув он навлёк на меня гордость за этих осмелевших девушек и за предвещавшие перемены.

— Моё место 700, — она обняла горячую кружку руками, — «Пси душа твоя, она стать бессмертною должна.» Моё имя говорит о том, что душа тричастна: мыслительная, раздражительная и желательная части соединились в моём платье, том, что сшила для меня ты. А что значит Фифа?

— Я не ведаю

Я не была расстроена, мне самой хотелось

знать, почему Фифа? Я знала, что мама появится, я точно вызывала её на разговор сейчас, к ответу, приглашала к вечерке. Хруст шагов и шелест юбок обнял меня за плечи, мама показалась из леса красивая. Она поприветствовала наш круг улыбкой, подошла ко мне и положила руки ровно туда, где у меня начало замерзать, на грудь, оборачивая меня своими нарядами. Шта улыбнулся и скрылся, словно сейчас начнется что-то интимное. Все смолкли, но не останавливали гармоничную суету ухаживаний друг за другом.

— В вашем круге благодать, я счастлива быть с вами, и мне чаю.. — мама присела рядом, впервые видела её такой безмятежной и умиротворенной, уставшей, — общими усилиями мы нашли способ сохранения себя в этом месте, каждая секунда нашего выживания зависела от каждого из нас. Никто не вырос там, изнахратились, но все выжили. Однако, здесь я вижу рост, я чувствую приближение перемен, ведь в моей дочери живёт непомерный дух. Какими были твои фантазии, дочь моя?

— Назови меня по имени

Мама тут же ответила, легко и прочно.

— Фита. Твоё имя теперь Фита. Фита — это мир природы и слияния человека с этим миром, Фита-

это естественное природное развитие, Фита- это вызревшее семя. Так какие фантазии чудятся тебе и насколько они спутали твою реальность?

— Я поделюсь ими с большим удовольствием.

Снежинки красиво посыпались на волосы и ресницы, мы уютно усевшись кругом топили телами, чаем и женской силой лес. А лес укрывал нас, караулил. На расстоянии обозримого непричастия начали появляться мужчины, и остальные.

— Когда мы с песней уходили в работу монотонную и долгую, равною зиме, в три раза увеличенную — я была не с вами. Я прямо духом вставала на ту тропку, сейчас она заметена и шла по ней к ручью. Ручей не страшен мне, тем более ему, — я указала на область груди, где теплело от маминого пледа,– поняв иллюзию ручья и его реальную опасность, я перешла его легко, намокнув по колено. Я шла уверенно туда, где родилась, где кедры-исполины, орех. На месте том всё по — иному. Там виноград рядами вьётся, там долы полные зверья и теплота и безопасность и одиночество для такой как я, — я прикрыла глаза в блаженстве вспоминая как теплое солнце ласкает щеки и лоб, — людей там теперь много. Они так близки, как в каше крупа, в них нет гра-

ниц, нет матрицы такой как наша, они живут за коном, только близость тел, вино, весёлость, вздохи, ветры. Туда хочу идти, там поселиться, ведь я там родилась.

— Ты родилась в моей лачуге, — просто произнесла мама и эта простота заставила меня задуматься о чистоте памяти

— Я там родилась, я путь прошла до встречи с тобой непростой, не зная ни себя, ни места, ни времени. Зачем ты обесцениваешь это?

— Родная, ты рождена в моей лачуге. А этот путь — в действительности твои роды, ты шла по родовому каналу, захлёбываясь водами, путь был тяжелым, но мы справились обе, -мама говорила это так глубоко , что у меня не осталось сомнений.

— Так что тебя в фантазиях влечет туда? Отсутствие структуры? Мудрости? Обещание повсеместной близости и теплоты? Сейчас нам так хорошо здесь, и вскоре станет лучше, когда тепло вернётся и посмотри — вот твой труд. Ты объединила женский круг. Преобразилась и преобразила их. Накопила опыт и создала уникальный символ мудрости — Фита имя твоё. Заняла место в матрице нашего рода. А там — не твоё. Туда — не лезь, растеряешься и потянешь

нас.

— Тебя не потяну

— Прими ответственность, что получила ты от рода. Ты символ теперь и твоё исчезновенье потянет и других

— Я хочу свободы

— Мы видим результат твоей свободы, он прекрасен. А ты сейчас не о свободе мечтаешь, а об отступничестве, в котором тоска убьет тебя сначала. Все символы, бережно собирая мудрость и знания обогащаются в здешней культуре, создавая уникальную родовую матрицу, здесь родятся Богатыри . Как эта берёза корнями уходит вглубь, так наши старейшие привязаны к этому месту и передадут мудрость здешним мужам и женщинам и их детям, как берёза исцеляет нас соком по весне, так убивать будет сок виноградный и чуждый. Пересади берёзу на тот берег и если она приживётся — на третью весну мы придем пить её сок, — мама сказала эту речь в безмятежности еле слышной, выдержав паузу мы запели.

Ритуалы были возвращены в нашу большую семью, я поняла, что их основа — откровения.

«Пой, девочка, когда тебе сложно
Пой с сестрицами.
Пой, девочка, когда хочется напиться
не вина, не твоя вина, а водицы
ключевой водицы»

Мужчины опоясали наш круг и мы вновь засветились звёздами горячими на холодном фоне обледеневшего леса. Фита, теперь я Фита и моей энергии стало больше, в матрице не стало лизунов, или их и не было, а это мои фантазии и моё невежество породило их. Зимний бал закончился принятием моего символа. Я танцевала всю ночь со своей соблазнительницей, обворожительницей, спутницей и мы были счастливы и собирали в сердце взгляды Шта, их было достаточно для того, чтобы стать красивыми изнутри, кровь стала красивой и выступала румянцем на нас. Прекрасная дистанция окрыляющая, между нами вечность теплоты, искры поднимающие мой подол на два пальца ввысь, жажда, с треском завернувшая мои локоны вдоль спины, отвага, спустившая мамин плед с плеч.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Наутро пошла выкорчевывать берёзу.

Ушла глубже в березняк, чтобы побыть наедине со своими фантазиями и осмыслить до конца всё то, о чем мне было сказано. Свежий воздух и березовый лес унял меня, облокотившись спиной на дерево, я начала всматриваться в даль. Мыслей не было. Моей фантазии пришел конец, её благоразумно придушили.

— Ничего, иди, иди туда, только одна иди и никому не говори, я тебя прикрою,– это был голос старейшей, она сидела на пне как обычно прямо напротив меня, говорила обыкновенно причмокивая , жамкая щеки

— Как ты здесь оказалась, бабушка?

— Бабууушка..как всё меняется.. мм даа..– она зависла, всматриваясь как и я в рисунок леса ,– а я могу быть повсюду, где есть присесть, смекаешь?

— Не поняла

— Я древняя как мир, я Слово. У меня было много времени для того, чтобы изучить все законы вселенной. Вот поэтому я могу появиться на любом пне

— И на той стороне?

— Соображаешь,– её улыбка высшая степень колдовства

— Вчера я поняла, что больше себе не хозяйка. Мне страшно идти такой

— В этом беда и ключ, собери себя в кучу, они твои, пусть знают место и иди цельной

— Я здесь закисну, мне правда нужно туда на проверку. Если это не фантазия моя, то я отыщу способ пересадить берёзу, и мы отправимся жить на ту сторону, где не бывает зимы. Об этом только думы гоняла .

— Собери себя и помни, что я с тобой — она улыбнулась мне улыбкой беззубого ребенка и забавной мимикой показала, что сейчас что-то будет, — говори следом:

– **Слово** — от Мысли, Дело — от **Слова**, Мысли — Идея, **Слово — Основа**, — я вторила, мы бормотали до тех пор, пока лес не вступил в капеллу, как только мы услышали лесное эхо, бабушка остановилась, природа должна откликаться, — а теперь говори, что сделаешь, — сказала бабушка и котенком свернулась в клубочек на старом пне

— Я соберу себя: отогрею эмоции луноликую девочку мою, пойду за мальчишкой разумом и заберу к себе, укреплю тело лечебными травами и настоями, сном и прогулками, изучу танец сексуальности и отправлюсь в путь сильной духом. Путь мой лежит на тот берег. Я изучу ту среду и вернусь. За вами и за березой.

— Иди, я буду знать про тебя всё, но ни слова не

скажу,– я подошла к ней почему-то на цыпочках, опустилась и прижалась всем телом к этой милой и доброй женщине, она оказалась очень крепкой на ощупь.

«Старушка была там. И теперь отпускает меня.. но она — не я..».

Мысли эти и бабушкино слово подняли жизнеощущение, я начала скакать по лесу козой, ощущение решимости и счастья идти выбранным путём не привалило бы без Слова.

Меня переполняла девчачья благодарность. Упав на спину, любуясь миром, я повернула голову и увидела сексуальность, она лежала рядом и восхитительно улыбалась, её глаза горели тёплым светом холодных звёзд, всё в ней было теплее, чем есть на самом деле. Иллюзия — она была роскошной природы и настоящей. Мы начали растягиваться, потягиваться и постанывать от наслаждения тепла в теле, я привстала и взяв её изысканное лицо в ладони заглянула прямо в глаза, требуя обещания покорности на всём моём пути, она опустила голову и под тяжестью лба подняла глаза, сверкнув и ехидно улыбаясь потянула меня в танец. Я отозвалась и мы орлицами летали по лесу, падая извивались самыми ядовитыми и опасными змеями, вновь вскакивали пугливыми и ранимыми оленями.. это продолжалось до самой первой звезды , точнее до планеты Венера, остановились, залюбовались. Тихий треск снега вторгся и на расстоянии двух вытянутых рук улегся громадным телом, как снег утих, я разглядела лицо.

— Ручей не препятствие, ручей рубеж, что я установил для защиты нашего рода и вот та женщина, которая так необходима сейчас желает этот рубеж пересечь, — он говорил не мне, а об-

ратив подбородок к Венере.

— Тебя мама ко мне подослала?

— Думай, что говоришь, девчонка, — он глянул на меня прямо испепеляюще гневливо, но мне понравилось,– ты не видишь всей сложности картины, но тебе кто-то должен объяснить,– он невероятно резко схватил меня и мы со вздохом , его вздохом, я не дышала, поднялись высоко над землей. На столько высоко, что мне открылся узор нашей матрицы. Я не могла поверить в нашу связь, её красоту. С высоты ощущалось величие и могущество того, что мы представляем не по отдельности, а вместе. Семь кругов, семь центров, цветов и смыслов. Аз — символ мамы в самом центре центрального круга, её энергия держит шесть первых символов — наша основа, Слово-символ бабушки, одной из старейших держит шесть символов, пять из которых светят ярко, шестой еле мерцает.

— Видишь, существует что-то более сильное и большее, чем ты.

— И одновременно без меня ослабнет круг Закона- синий цвет и случится то, о чем говорит мама — я потяну всех.

Он раскрыл руки и я лечу вниз. Мне нравится это ощущение свободного падения, Шта испор-

тил его, обернув меня руками уже вблизи земли.

— Твои рубежи мне портят всё, актань,– я с силой растолкала локтями его объятие и через секунду хлопнулась в сугроб. Наевшись снега, застряв по шкурные сапожки, я рассердилась на мужика, он так громко смеялся, что мне пришлось скатать снежный ком и дать ему в пузо. Хрясь и Шта уже не был сильно весёлым. Он сгорбился и сосредоточился, похоже я для него сейчас что-то около дикого кабана, внутри стало немного страшно, с виду я оскалилась сквозь смех. Мы начали битву снежными шарами. Я осознала глупость состязания когда выдохлась и тянулась к лачуге, он хватал меня за юбки и тянул по снегу снова в бой.

— Отпусти, мне нет дела до тебя

— Ты как разговариваешь? — он с каждой секундой боя становился все веселее и сильнее.

— Я из круга Творения, чтобы создать нужен рубеж, только тогда определится форма творения. И я буду тебя сдерживать во всем и всегда.

— Чтобы создать, нужна свобода и поддержка

— Сначала определи рубеж и будь свободна в нем, дурында

— Как ты разговариваешь? хотя мне все равно, я ухожу

— Сдаешься?

— Актань ак менья, — очень дерзко я сказала ему и выглядела великолепно, если бы не ударилась головой о дерево, сбегая к дому.

Шла я пылко, горячо, Шта вновь встал передо мной, мне надо было пройти мимо, но я послушалась её и мы, приняв глупый вид залюбовались его подбородком, я не слишком, а вот она да. Так не подобает, но с ней я разберусь позже.

— Рубеж переходить нельзя, — он смотрел пристально и с каждым словом приближался ,– никто оттуда не вернулся,– он подошел вплотную ко мне, у меня лицо запотело от его дыхания. Он не был красивым, он был всепронизывающим и сильным, статным и одновременно озорным и шкодливым.

— Я перейду его в брод ,– смело шагнула я еще ближе

— Там я не смогу тебя защитить

Он улыбнулся одной стороной уголков губ, свалил меня на плечо и понёс к лачуге. Сексуальность пищала. Я же недоумевала, как это вообще может со мной быть.

— Видишь, есть кое-кто сильнее тебя,– он все время улыбался уголком губ.

Шта бережно спустил меня возле лачуги, по-

желал доброй ночи и ушёл. С этого момента я постоянно чувствовала его запах.

— Ты как себя ведешь?– уже лёжа в постели обратилась я к сексуальности,– ты его чуть не съела!

Она лежала в неге, как и всегда впрочем. Кошечкой полуобернулась ко мне и засмотрелась на меня, я растаяла, не могла перед ней долго бравиться, мы перешли на шёпот:

— Я появилась в созвездии рака, — она распустила волосы и кошачьими движениями продолжала царствовать в моей лачуге,– вот увидишь, я съем его,– мы переглянулись и засмеялись, от нее невозможно было оторвать взгляд,– но сначала накормлю. Как думаешь, что он любит кушать, когда уже солнце зашло и не мешает? — она переместилась ко мне поближе и мы накрылись одним одеялом.

— Мы будем всю ночь говорить о нем? я предпочитаю сон

— Сон невесом,– сказала она и я отвернусь.

Наутро, выйдя из лачуги я первым делом собрала женщин своего круга. Впереди был трудовой день, мне нужны были новые приоритеты, собственные ритуалы, и свобода, работать на благо общества хватит.

— Сегодня вечером мы собираемся у нашего огня, я хочу, чтобы Ижица приготовила настои укрепляющие и восстанавливающие, после трудового дня и праздника они нам необходимы. Мне нужна помощница, я иду глубоко в лес, близ ручья, Ёта, ты со мной. Остальные пойте песни, чтобы не устать к нашей встречи.

— Мы не Слово, мы Закон, наш источник не песни но дисциплина и вера в то, что для тебя мы важны одинаково как и все мы незыблемы для каждого.

— Когда вы стали такими?

— Когда ты поняла связь и увидела наше место с высоты полёта

— Будьте уверены: для меня вы одинаково важны, ровно как и наш круг важен для каждого остального

Наши знания природны, корень знает — плоды наливаются. Вот в чем преимущество или недостаток нашей матрицы. В единстве.

Мы долго шли с Ётой к ручью, не спеша и всё

поглядывали друг на друга. Вдалеке замерцал рубеж. Я схватила за руку Ёту, у меня не было плана, мне нужно было как-то объяснить ей, что я скоро уйду, а она останется за центр. Но разум был не со мной, сексуальности недостаточно, чтобы решать такие вопросы.

— Говори, зачем привела — Ёта уставилась на меня огромными и выразительными глазищами. Её спокойное лицо навело на меня страх. Я села в свою коронную позу и заплакала, обняв руками, долго и сухо, кряхтя и точно пытаясь выразить внутреннюю неуверенность

— Я осознаю свой рок и предвижу что ты решила, а ты осознаешь свой? — если да, то я готова, начнем.

Мои слёзы мгновенно высохли, я просияла. Иногда, в других жизнях я буду замечать такие повороты в детях и радоваться за них.

— Приступим, — я принялась переделывать ей платье, используя подол для подвязок, — энергия природы, всех стихий должна свободно литься по тебе когда ты ей не управляешь и должны быть точки концентрации, их обеспечивают рукава, силуэт юбки и горлышко, никаких платков, ты — соединительный провод всех стихий.

Днём она училась быть проводником, без ёты

раздачи. Я не хотела привлекать внимание, хотя было ощущение, что все и всё вокруг ведают что мы творим. Мы возвращались к костру вечернему долгоую молчаливой дорогой.

— Ты не можешь идти без разума.

— Но я больше скучаю по эмоциям.

— Ты их заневолила, если не двигать их в мерзлоте, они могут навсегда скукожиться, ты даже плакать нормально не можешь. В каком созвездии они рождены ?

— Близнецы

— Говори , бегай, узнавай и передавай, улыбайся.

— Закон не болтлив, мне нужно больше общаться с кругом Творения, не так ли?

— Или с кругом Слово. Сегодня я засвечусь?

— Засветишься! В тебе уже сверхсила.

— И в тебе Фита.

Вечером мы бываюче расселись, испили травяного вара.

— Есть новости для вас.

Мои девочки изменились, их округлые, почти размазанные по лицу черты выправились, появились скулы и четкий контур губ, руки вытянулись, пальцы тоньше, указующий чётче.

— Я вскоре пересеку рубеж и отправлюсь на

ту сторону. Пойду одна, вернусь. Знать об этом не нужно никому, как не было меня и снова нет. Ёта встанет в круг. Она сильна и сила у неё в познанье, придется вам Закон познать природы интенсивней, как я вернусь — наладим всё как было.

— Мы за тобой пойдем.

— Не безопасно это, Шта сказал.

— Ты путаешь, ведь мы закон. Закон для всех один, един, так требует природа. Шта опасается любого вымысла Творенья, что вольность мысли выйдя за рубеж смешается с чужими , не нашими словами, ресницами и платьями, он держит все в объятии, а мы неколебимы как скала что здесь, в пути или по ту сторону ручья.

— Я вам сказать решила не для обсужденья, а для законного решенья

— Иди

— Мне нужно убедиться, что Ёта тянет вас.

Случилась церемония и порядок без меня. Сибирский лес не сотрясался, не скрипел, калейдоскопом смешивал и переваливал моих девчат, получая узоры-сигналы, система леса в матрице рода славян, матрица в матрёшке природы, всё пылало взаимопроникновением, доверием. и в центре Ёта — квант, мельчайшая частица целого.

Она малое в большом и большое в малом. Это действительно мощнее меня и всего моего значения, нужнее чем я. Это как обновление и вместе с тем прыжок ввысь, а не пыхтение и старание, коей была я, стоя теперь уже на её месте. Моё тело окислилось, на груди появился тяжелый комок, сворачивающий меня кубышкой. Кубышка сейчас пробежится по склону, ударится о торос и пропала Фита. Зелье полилось из глаз , отрада! Мои, бестолковые, родненькие, не гордые, волосатые эмоции вернулись. И подь оно всё.

Несколько дней я знакомила и свыкала эмоции и сексуальность, своё тело и дух, но не придумала, как подойти к мальчишке-разуму, я и не скучала искренне, он словно был не нужен или не мне нужнее. Тогда сексуальность предложила помощь:

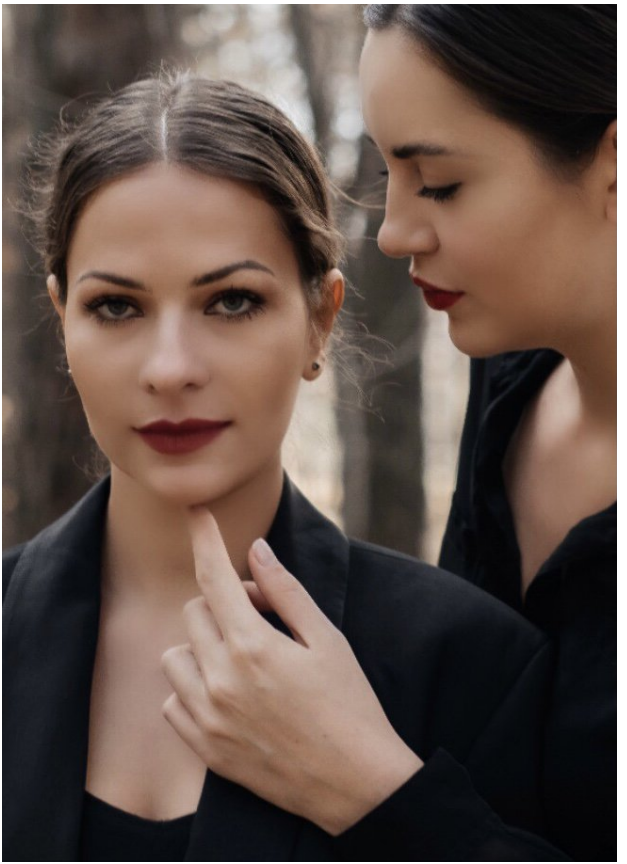
— Я подготовлю угощенье, позовите Шта,– дождаалась девочка своего выхода

— Что ты задумала?

— Я в помощь тебе, а не против и разговаривай со мной ласково, видишь, я уже и жестами стала прекрасней.

Я удивилась её трогательности и чувствительности, как она может быть частью меня, это ведь несущественно и жалко.

— Я покажу тебе какая сила таится в женственности.



Я была согласна на все, лишь бы уйти, хотя давеча мечтала отправиться. Я обесценила своё значение. Сексуальность потащила нас в лачугу. Тут уже давно был её порядок: покрывал было множество и на полу и на стенах, горели свечи, пахло травами. Здесь бы и остаться, спрятаться.

— Заплети мне косу необыкновенную, будто ручей волнами до плеч спадает, вплети этот вот цветок ,– он жухлый, но делать было нечего, Эмоции мне помогли справиться с задачей.

Трижды мы переплетали ей прическу. Она действительно старалась и по-видимому знала своё дело. Пока плели пели, пили вар, варили Шта дар. Девчачье умиленье и меня причесало и цветок куда подобает воткнуло, но я его выдернула, а прическу ослабила и нахохлила.

— Встречайте!– Шта постучал , они вышли, я осталась внутри.

— Встречай, раз звала!– требовал голос мужчины.

Шта снял крышу моего убежища и глянул громко.

— Выходи, я не обижу тебя, маленькая,– его грубая огромная физиономия смягчилась, глаза прояснились, ледышки на бороде растаяли, он сверху носом уткнулся в меня.

— Убери нос.

— Айда гулять!

Я вышла и увидела, что за ужином был и мой мальчишка, Шта привёл его. Тот крепко подпрыгнул и вскочил на меня, окреп.

— Твой разум ловок, крепок и изобретателен, если ты доверишься ему — он защитит тебя, рожден в созвездии льва , станет хорошим путеводителем для вас.

— Ты отпускаешь ? — это был не вопрос, а удивление, что он возомнил будто я разрешения спрашивала у него.

— Рубежи чужды тому, кто видит в чем его предназначенье

Мы ели вкусное кушанье, которое было мне лишним, но остальным всласть. Разум был велик и чужд мне, может, потому что он мальчишка. Теперь, когда мы были вместе, я легко увидела свой путь, предвидела преграды, предвидела опоры. Я откровенно наслаждалась доверием к себе, смело отправляясь в медитативное путешествие. Только Шта выбивал меня . То резким и глубоким взглядом, оторвав его с трудом от сексуальности, то встречным полуоборотом плеч, с которых шорохом скатывались снежинки и пыль его могущества. Когда он радовался — лицо его ото-

гревалось и сосульки таяли, ручейками лились по бороде. Когда Шта сердился — кожа трескалась как и глаза становились бесцветными, а ладони пронзающими. Перемен в его настроении никто предугадать не мог. Я встала резко.

— Всё, мы пошли, уже наелись, напились, нат…– Шта закрыл мне рот своим дыханьем, дунул в меня. Я онемела. Эмоции подошла и со всей силы дернула его за бороду, он улыбнулся.

— Ты можешь быть нормальным? Ты в состоянии быть внимательным, когда нужно твое внимание? Быть сострадательным, когда мир меняется и становится страшно? Ты можешь говорить со мной, а не кидаться холодным воздухом?

— Я целостный уже давно. Я древний! — он набирал обороты в подаче речи, его немного поднимало от земли, — ты не найдешь моего разума, гуляющего с кем-то! Мои эмоции при мне, я стержень! — всё, он увеличился в размерах, превращаясь на моих глазах в стихию порывистого морозного ветра, — я главный сначала для себя, и так я стал важнейшим в круге, а ты дитя,– он остановил бушующий свой нрав и четкими быстрыми шагам уже привычными подошел ко мне, взял колючими ладонями моё лицо, с них сразу

покапало,– не сравнивай себя ни с кем! А с миром своим, детишками, учись жить так, чтобы не нужен был тебе никто, иначе станешь человеком и будешь век себя ты собирать, искать в других таких же отраженье, но не найдешь всего, не соберешь в себе его, наделаешь ошибок, — он оставил меня и отвернувшись к лесу сел в своей манере, его спина казалась мне теперь уже горячей,– ошибка за ошибкой, ты растеряешь всё, учись быть цельной без меня, без мамы, но не без леса,– меня магнитом потянуло прижаться к пылающей спине, пылало сердце Шта, он лукавил и прятал от меня его. Мы так сидели до рассвета. Шта дышал морозным вихрем, я грелась обмяк-нув на его спине. Смотрела вдаль и видела, что птицы стаей прибыли домой.

Я знала этот лес лучше себя, мой шаг оставлял за собой уже талые следы, шагая, я снимала с себя верхнюю одежду, солнце возвращалось и с былою силою топило льды, подсвечивало всё живое, мне хотелось увидеть этот расцвет природы нашей, подышать одной. Вот он, ручей, кто был в Сибири, знает про Катунь, таков ручей как был и есть сейчас. Я смелость потеряла. Он шире стал с приходом солнца и глубже, камней не видать.

Вошла :

«Пой девочка, пой, когда внутри
тебя есть рвенье, пой одиноко, птицы
подымут вой,
подымут рой,
подымут стадо,
пой, девочка, свою песню, даже если никому не надо»

Я пела и знала, что делаю. Ледяная вода захватывала моё тело и тело обнулялось, поры закупоривали меня, запечатывали, подтверждая целостность. Я расслабилась и отдалась течению. Это наслаждение несопротивления. Смак отдаться течению долгожданного ручья. Вода несла меня аккуратно, какая глупость, что я так долго этого ждала. Меня несло и отдохнув , я принялась сопротивляться, повернув корпусом меня легко прибило к противоположному берегу. Солнце встретило меня, и мы жадно обменивались поцелуями. Берег тот, его я точно знала, я здесь была рождена, и всё это подтверждало. Я вижу там кедры-исполины, я вижу птиц, зверей, подняться стоит на пригорок, и я увижу там людей.

Это был Король, над ним клокотали птицы и нависала скала.

Ныне Король он был Принцем и Принц был

лучшим.

И росло дерево, а на цепи вокруг него ходили люди.

Тормошили люди людей, Король смотрел, но видел в этом силу.

Не злой Король, но хочет он на берег, на сибирский берег хочет он славян.

Скала давила на их копья, а гроза разряжала их дух в оргиях и под чистым небом я видела слиянье Короля, копий, копоти, коров, в корОлевых штанах был дух и сила и отрада вся его и власть.

И руку протянула я.

Александр взял мою руку и потянул вниз по склону, по направлению к лагерю, я успела оглянуться. Он говорил со мной не глазами, больше затылком, многих слов я не понимала и не чувствовала их вибраций. Он познакомил меня с их скромным устройством, которое состояло из огромных шатров для ублажений и шатров малых для отдыха. Всё поле же было измызгано, организованы палаццо для смертных игр, все мужчины виделись воинами, женщины лизунами, волосы их были стрижены. Александр показал мне буйства красок их развлечений. Он улыбался мне губами только и всё тянул, тянул в шатёр. В шатре он трахнул меня по голове зуба-

стой битой. Я очнулась скоро, он ходит шакалом и изливает мне свои желанья, ноет и выжимает смех. Желание по сути лишь одно — обладать, подтекст- использовать. Тогда впервые я слышала о справедливости не от себя и видела её рук дела.

— Ты свежая,– он проскользил ко мне, залез под покрывало.

Александр как Александр. Такого никогда не назовут Сашкой. Лицо круглое, с рыженькими волосиками повсюду, губы всегда влажные, он их облизывает, глаза острые и неглубокие, больно в них смотреть.

Я всей волей схватила покрывало, повалила Александра на лопатки и уселась сверху, обернув ему горло украсительными кисточками.

— Ты что собрался делать?

— Увидеть тебя на коленях.

Я завернула кисточки наоборот и они въелись ему в горло, что добавляло азарта ему, и неукоснительно мне тоже.

— Ты не знаешь с кем связался, рассказывай какие планы.

Он улыбался, кошачья мята сочилась с его глаз и языка. Я опротивилась и выпустила его, задержав ногой у самой кромки. Опрометчиво было

полагать, что я сильнее и могу держать ситуацию под контролем. Мужчина легким движением захватил мою лодыжку и вывернул.

— Если вы все такие по ту сторону ручья, то с вами будет веселее обычного, да и только.

— Так объявите нам войну! Наши мужи потирают кулаки о березоньки, сок выжимают из них как ты рученьками ласкаешь свои кудряшки и льешь сок переспелого винограда.

— Ты зачем пришла-то, тебе не говорили, что отсюда ходу нет? сюда сбегают беглые от ваших, говорят, что с вами тяжело.

— То были засланные сёстры, они собрали знания о вас.

— Плохо собирали, раз ты пришла!– он хлынул на меня своим щуплым телом с круглым животом и покатыми плечами, завязал на моей шее бант и посадил на цепь, а цепь была лишь частию кровати.

— Ты в плену.

Я провела там много лет, всё оставлю при себе. Но вид изнеженной, женоподобенной фигуры я пронесу сквозь все мои перевоплощения, за справедливостью я буду ждать ударов в спину и мольбу по ублажению, и когда он садится и ждет развлечений за то, что принёс вино и хлеб я стану

сбегать в пустоту и отстирывать платье.

Я думала только о возвращении и согласилась поиграть в «справедливость». Он мне хлеб — я по нему вскользь, он мне вино — я к нему в разворот, так и подружились. Моё могущество с достоинством нарастало, его зависимость с жалостью множилась.

Я оставалась пленницей названо лишь, он называл меня Дарьей и выйдя подышать мне стало ясно, что пора бежать. Бежать спокойной поступью царицы, ибо всё, что видела я здесь — унылое и вялое разочарованье, нам хватит дня, чтобы подготовиться и отбить атаку. Так я и ушла средь бела дня, покинула я Александрову столицу, ушла я с песней, обернувшись шелковым полотном.

«Пой девочка, пой,
с песней тебя встретят птицы твоего двора,
пой девочка, даже если рискуешь не дожить до утра,
пой и с песней ступай собою,
пой, никто не сделает тебя другою»

Я перешла ручей вброд, он обмелел. Шта сидел на берегу, пил горячий вар и вглядывался в меня, не шелохнувшись, как только я перешла его границу, он тут же оказался рядом.

— Ты жива

— Какая-то часть меня

— Бабушка Слово называет это мудростью

— Значит я вернулась мудрёною, идём ко всем, скоро будет битва, наиграешься.

Я вернулась в родной край, родные по-прежнему суетились на пяточке.

— Я выросла на той стороне ручья в разочарованьях, использовании, комфорте, удобстве и насилии. Человек там слабый, слабость его здоровья компенсирует его отряд. Слабость его ума компенсирует отсутствие границ в морали и нравственности. Его цель — пройтись по нам, придётся биться, но уже не за ту территорию, а за наш род, наши традиции, за Слово, за Шта, за Ёту, в этом и есть наше царство по обоим берегам.

— Хорошо сказала, девочка моя,— смех бабушки Слово раздался, её улыбка высветила мне кожу,– ведала я, что не в круге Закона роль твоя, а в моём и вернулась ты Фертом, бабушка лукаво стрельнула в меня задорным взглядом и выпрямившись на пне обезьяной, выпятив гордо грудь вперёд произнесла:

— Руки в боки, стой Фертом!

Слово скажет: Правда в нём!

Я непривычно не обрадовалась. Стоял август и

либо защищаться или уж купаться.

— Бабушка научи что делать и начнем.

— Не торопись, оставь прожитое за левым плечом, оглянись всмотрись в нашу Матрицу, она сильна сегодня по -особому..запомни

Миг. Я не придала ему значенья.

— Теперь неважно какой наряд тебя окутывает. Встань по левую руку от меня, руки в боки. Теперь говори, что делать нам.

— Очень скоро Александр будет здесь, нам нужно быть здесь у источника в месте своей силы. Все семь кругов должны объединиться и обороняться . Их слабость — в их невежестве и распущенности, нам не с кем сражаться, там нет мужей

Ёта обратилась:

— В них нет закона, а значит не зачем и обороняться, Шта раздвинет рубежи и круг Закона отправится к Александру с доброй вестью, что закон един

— Александр не узрит.

— Ферт, ты не видела нашей силы. С твоим уходом наш круг окреп, семь символов собраны, теперь это: Пси, Фита, Кси, Ижица,Ижа, Ота и я есмь Ёта

— Что Слово скажет?

— Зри в корень Ферт, доверься сердцу. Ты зна-

ешь Александра, тебе решать, моё доверие.

— Сердце страданием облито и нет времени на разговор , идём. Я иду, и круг Закона.

Шта недоверчиво смотрел мне в след, и присоединился. Рубеж раздвинул и держал. перед нами вскоре поле встало и воины, голодные до игр, в угаре. Мы появились на холме, я первая пошла, предвидя стимул Александра воздать мне первой по лицу, ведь он любил меня своей испорченной любовью. Вплотную встав к нему я получила. Круг Закона засветился, Александр обомлел, все замерли и воины тоже, я слышала журчание ручья. Ёта держала мощный разряд, ох как она страшна, однако Александр взял меня за руку и потащил ближе, за ним и потянулись его остальные. Круг Закона окружен, Шта держит наш рубеж и смотрит.

— Что это? Это ваше оружие? — обратился Александр ко мне.

— Это Закон: познания, духовность, душа, благость, неприятие, краткость, природа — принятие неизбежно, закон един для всех и для тебя, мой друг.

Александр дернул меня и притянул к себе, Шта обронил рубеж и ринулся на помощь. Воины по знаку замкнули круг, огородив меня от Шта и

от Закона. Он снял с меня тряпьё и забрал мою чистоту, мою невинность и красоту забрали остальные. Шта пробивался яростно, он звал на помощь и меня, от остальных отрезан собственными руками. Я была в надежде, что круг закона включит силу, но молчание.

Когда Шта нашёл меня, я встала сталью и хотела Ёту видеть. Но их не стало, никого.

— Шта, где они?

— Идём, — он потащил меня к скале, взгромоздил на плечи и забрался высоко,– теперь ищи ответы.

Символы Закона пропали на этой земле. Александр втоптан в грязь.

— Шта, почему они исчезли? Мы не прячемся, но где они тогда?

— Они слышали тебя, и потеряли веру в свои силы. Испокон веков мы считали, что закон един, они надеялись на наказанье сиюминутное, но не было грома с небес, не было молнии, разрывающей карой нарушителя. Закон разбежался здесь, потеряв веру в себя рассосался. Наш круг закона теперь греческий миф.

— И что теперь? Ни Александра ни закона ?

— Ты жива, войны не будет.

— Ценой семи символов !!!!

Со скалы рой оставшихся воинов не торопился в бой, закланились, развалились. Я всматривалась в толпу с надеждой обнаружить своих..

— Закон утерян, время возвращаться.

— К чему Ферт теперь? Я обрекла на вечность пустой болтовни, на беззаконие и отсутствие границ свой род, я буду здесь, я буду ждать их.

— Если ты не пойдешь, то я раздвину границы и тебе придется встретиться со всеми.

Я промолчала, я скала.

Шта сделал что надо. И только тут я зарыдала, когда увидела, что мама идет ко мне, не шелохнувшись, я ждала.

— Опасности оказалось больше, не так ли доченька моя?

Я не могла говорить, не имела право, не имела смысла.

— Ты заигралась в чужеземные игры, облилась жалостью к чужеземной бездуховности.

Мама смотрела ласково, но голову держала назидательно, не было такого раньше

— Мама, я дождусь их здесь, узнаю, соберу.

Её тень вышла за рубеж моей мамы.

Мама вслух сказала:

— Люблю

Тень её сбросила меня со скалы резко так,

щелчком.

«Пой девочка, пой,
пой, когда руки, оберегающие сны твои
всё те же, но оберегаешь уже ты,
пой девочка, когда камни летят в наказанье
от маминых рук,
пой, сестрица, мамино наказанье-
лишь предвестник долгих и несправедливых мук»